

# Егерь

**Автор:**

Александр Быченин

Егерь

Александр П. Быченин

Егерь #1

Первая Дальняя! Только вслушайтесь в магию этих слов! Вот и я, профессиональный Егерь-фелинолог Олег Денисов, не устоял. И Петрович, рыжее чудовище, возразить даже не подумал. Да и кто мог предположить, что приветливая Находка, такая на первый взгляд ласковая и дружелюбная, в один прекрасный день превратится в смертельно опасного врага? А как все хорошо начиналось: романтика дальних странствий, тяга непознанного, да и на личном фронте какие-никакие перспективы... Теперь же, как говорится, унести бы ноги. Впрочем, мы еще посмотрим, кто кого. Ведь что, в сущности, могут противопоставить злобные монстры, загадочное нечто и служба безопасности компании «Внеземелье» боевой выучке и чувству локтя верных напарников – Егеря и его охотничьего кота? А при поддержке коллег и любимой девушки можно и вовсе горы свернуть...

Александр Быченин

Егерь

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

## Глава 1

Тише едешь – дальше будешь

Самарская Лука, санаторий «Волжский»,

25 июля 2537 года, вечер

– Заходи, располагайся. – Я галантно пропустил девушку в номер и вошел следом, тихонько затворив дверь. Время позднее, а соседки у меня донельзя сварливые. – На кота не наступи.

В прихожей слабо светилась тускловатая панелька – я специально ее так настроил, дабы глаза не резала после полутемного коридора.

– У тебя есть кот?! – восхитилась Маша и порхнула в комнату.

Дождаться, когда я зажгу в помещении свет, не стала. Напрасно, как незамедлительно показала практика. Буквально через секунду раздался дикий мяв, что-то грохнуло, и здоровенный рыжий кот сибирской породы вихрем пронесся мимо, едва не свалив меня с ног. Его утробному вою вторил тонкий девичий визг.

– Петрович, блин! – в сердцах выругался я, нашарив наконец сенсор.

Что ж, я думал, будет хуже. Из разрушений обнаружилось лишь перевернутое кресло да пара диванных подушек на полу. Все ясно, это Петрович, известный сибарит, ложе себе из них устроил, а так как длины в нем без малого метр (считая хвост), то онный хвост на подушках не поместился. Как раз на него незадачливая гостья и наступила, чем вызвала бурное негодование хозяина. Сама перепугалась, ясное дело. Хорошо хоть визжать перестала. Двери-то звуконепроницаемые, а вот окна я не закрываю по случаю жары. Как бы кто не

услышал.

– Испугалась? – елико возможно заботливо спросил я, аккуратно приобняв Машу за талию. – Давай пожалею.

– Дурак! – притворно надулась девушка, но отстраняться не стала. – Я вообще-то кошек люблю, но у тебя зверюга жуткая... Думала, ногу мне располосует.

– Не, Петрович себя контролирует, – вступился я за питомца. – Садись, показывай, где болит.

– Вот. – Маша плюхнулась на диван и вытянула стройную ножку. – Прямо на икре.

– Тут? – Я беззастенчиво распустил руки, однако возражений со стороны девушки не последовало.

Она мечтательно зажмурилась и промурлыкала:

– Ниже... Да, шалунишка, продолжай!..

Я принялся нежно массировать икру, прошелся ладонью по коленке, рука моя скользнула по бедру выше, к срезу слегка задравшегося платьца... В мозгу вдруг вспыхнула отчетливая картинка: я резким движением переворачиваю девушку на живот, придавливаю всем телом, вгрызаюсь в холку и начинаю с утробным мявом огуливать размашистыми толчками...

– Твою мать!

– Что? – испуганно пролепетала Маша, поджав ноги.

– Не обращай внимания, я сейчас. – Я вышел в прихожую и приглушил свет. – Так лучше, не находишь?

Ну Петрович, ну сволочь похотливая! Вот я тебе ужо!

– Лучше, – отозвалась девушка и подпустила в голос немного капризности: – Иди ко мне, сколько можно ждать?

Я от приглашения отказываться не стал, прилег рядом и нашарил в полутьме ее губы. На вкус они оказались весьма недурны – казалось молодое яблочное вино, которым мы не так давно угощались в баре. Я настолько увлекся приятным занятием, что совершенно не обратил внимания на легкий шорох кошачьих лап. Думать не хотелось ни о чем, разве что о девушке, лежащей рядом и активно участвующей в процессе. Руки мои вольничали вовсю, проникая в самые потаенные места, я чувствовал, как затвердели ее соски – тонкая ткань летней одежды в этом не помеха, и тем неожиданнее был облом: Маша вдруг отстранилась и прошептала:

– Я не могу... Он смотрит!

– Кто? – не сразу врубился я в ситуацию.

Проследил за взглядом девушки. Все ясно.

– Петрович, брысь, скотина! – рявкнул я, сопроводив слова мысленным броском подушки.

Кот нехотя спрыгнул с подоконника и вальяжно прошествовал в кухню.

– Порядок?

Вместо ответа Маша закрыла глаза и потянулась ко мне. Однако идиллия продолжалась недолго: не успел я как следует заняться упругими холмиками с бугорками сосков, как она закусил губку и простонала:

– Опять!... Ну что же это такое?!

Я сграбастал с пола ближайшую подушку и швырнул в окно. Бросок получился отменный: чертова Петровича буквально смело с подоконника, и он вывалился наружу с невнятным мявом.

– Вот и все, – успокоил я Машу. – Продолжим?

– Нет! – Она уперлась ладонями мне в грудь, оттолкнула и вскочила с дивана. – Ты зачем его выкинул?!

– А чего он?! – не нашелся я, что ответить. – Сама же говорила, что мешает...

– Дурак! Шестой этаж же!

– Да не будет ему ничего. – До меня наконец дошло, что так расстроило девушку. – Это же Петрович!

– Извини, но я так не могу! – отрезала Маша уже из прихожей.

– Тебе свет включить?

– Не надо, я босоножки нашла. Пока.

Дождавшись прощального хлопка двери, я залез в бар и плеснул в стакан на два пальца виски. Холодильник снабдил меня пригоршней льда, и я во всеоружии устроился на диване. Уставился в окно, сосредоточился. Мысленно нарисовал портрет наглой рыжей морды и послал зов. Через пару минут послышался скрежет когтей по пенобетону, и над подоконником показалась сначала та самая наглая рыжая морда, а потом и весь кот целиком. Крупный сибиряк устроился рядом с чудом уцелевшим горшком с карликовой пальмой и пристально уставился мне в глаза.

– Надеюсь, ты понимаешь, что обломал мне интим?

Кот моргнул левым глазом, фыркнул. В мозгу сформировалось изображение маленького белого котенка с огромными голубыми глазищами. Пушистый комок умильно ерзал лапой по полу.

– Стыдно, говоришь? Ладно, верю. Иди, за ухом почешу, как ты любишь.

Зверь рыжим ядром сорвался с подоконника и удобно устроился у меня на коленях. Включил урчальник, радуясь ласке. Я отхлебнул виски, запустил пальцы в густую шерсть и подумал, что надо бы завтра с утра отыскать под

окном подушку.

Самарская Лука, санаторий «Волжский»,

26 июля 2537 года, утро

Звонок застал меня посреди утренней пробежки. Я успел намотать километра три по санаторскому парку и уже собирался рвануть к пляжу: заключительный трехкилометровый отрезок по сложившейся за две недели традиции пролегал по волжскому берегу, благо погода радовала. К тому же нет удовольствия больше, чем ухнуть с разбега в прохладную по причине раннего утра воду и смыть пот с разгоряченного тела. Не пойму, почему Петровичу не нравится? Бегать со мной он столь же традиционно отказывался, предпочитал заменять тренировку ночным моционом по местным кошечкам. Впрочем, ему виднее. Он хоть и генно-модифицированный мутант, но исконную кошачью водобоязнь сохранил в полном объеме.

– Да, – буркнул я, на бегу ткнув пальцем в браслет инфора.

Не люблю сверхкомпактные модели, которые в ухе умещаются. Там место наушникам, причем хорошим – не дело километры наматывать в тишине. Под хорошую ритмичную музыку и бежится веселее.

– Денисов Олег Игоревич? – официальным тоном осведомились на другом конце провода.

– Да. Чем могу?

Конечно, шесть километров в не самом быстром темпе – не та дистанция, чтобы выдохнуться, но дыхание надо беречь.

– Меня зовут Дмитрий Евграфович, я из кадрового агентства «Космос-Плюс». Мы хотим предложить вам работу. Интересует?

– Возможно.

– Насколько я знаю, вы сейчас не связаны контрактом, – проявил настойчивость агент. – Смею надеяться, наше предложение вас устроит. Я выслал пакет документов на ваш электронный ящик, перезвоните мне, пожалуйста, когда прочтете.

– Хорошо.

– Всего наилучшего! – Абонент отключился, а я с облегчением вырулил на знакомую аллею, ведущую аккуратно на пляж.

Что за народ, я не понимаю! Не успел еще отпуск отгулять, а уже достают предложениями, от которых я не смогу отказаться. А как же, других они не делают, тем более людям с такой редкой профессией.

Я отогнал посторонние мысли, растворившись в ритме, и взвинтил темп. В рекордные семь минут добил дистанцию и с ходу нырнул в Волгу, как был, в шортах и кроссовках. С удовольствием поплескался некоторое время, потом выбрался на берег и развалился на теплом песке. Вот теперь можно и о работе поразмыслить.

В принципе агент прав – пора задумываться о ближайшем будущем. Положенный отпуск почти отгулял: две недели на Карибах, две недели на волжских просторах. Сегодня, если разобраться, последний день законного отдыха. Потом у меня будет еще ровно две недели. Если за этот срок не найду интересную работу, придется довольствоваться госслужбой, а там уже как повезет: могут с одинаковым успехом и нормальный проект предложить, и в жуткую дыру загнать. И ведь не поспоришь: условия для всех одинаковые – что для обычного Егеря, что для суперпуперпрофессионала-фелинолога. Государевой службой я уже сыт по горло: пять лет в академии, год в фелинологической учебке и обязательный двухлетний контракт. Собственно, я и сейчас как Егерь-профессионал себе по большому счету не принадлежу – обязан отпахать на родное государство еще не менее десяти лет. Но тут есть один маленький нюанс: по истечении очередного договора я могу в установленный срок заключить новое трудовое соглашение по своему выбору. Из имеющихся на данный момент предложений, разумеется. Речь не идет о частных подрядчиках, если только они не выполняют государственный заказ. Короче, взглянуть на документы не помешает. Мучимый сомнениями, я нехотя побрел к жилому корпусу.

В номере я первым делом принял душ, смыл песок, и устроился у терминала. Выход в Сеть имелся во всех номерах санатория – все-таки не в Средневековье живем. Консерватизм хорош в меру. Почтовый ящик встретил меня обширным списком спама, скопившегося за месяц, и письмом с пометкой «Контракт». В пару кликов избавившись от мусора, я вскрыл послание Дмитрия Евграфовича и углубился в чтение. Минут через двадцать я закрыл браузер и задумчиво почесал в затылке. Предложение весьма меня заинтересовало, но хотелось подробностей. Умеет агент заинтриговать, ничего не скажешь.

С улицы в открытое окно маханул Петрович. Уселся на подоконнике, уставился на меня гипнотическим взглядом. Перед глазами возник рыжий кот, с озадаченным видом обнюхивающий некую абстрактную хреновину. Перевести образ можно было классической присказкой айтишников: WTF?

– Да сам еще не до конца разобрался, – хмыкнул я в ответ, пожав плечами. Этот жест Петрович прекрасно понимал. – Вроде работу предлагают, интересную.

Для усиления эффекта я представил Егеря в полном снаряжении, пробирающегося с верным котом по диким джунглям неизвестной планеты. Петрович довольно заурчал – ему отпуск порядком наскучил. Действительно, всех местных кисок уже огулял, а к воде его и сметаной не заманишь.

– Уговорил, звоню. – Я выбрал в списке контактов нужный номер и послал вызов. Дождавшись прекращения гудков, осведомился: – Дмитрий Евграфович? Денисов беспокоит, Олег Игоревич который.

– Весьма рад! – отозвался агент.

В голосе его отчетливо слышалось удовлетворение: дескать, говорил же, что перезвонишь.

– Я прочитал ваше письмо. В принципе предложение заманчивое. Но есть вопросы.

– Хотите обсудить их при личной встрече? – ничуть не удивился агент.

– Было бы неплохо...

– Ново-Садовая, двадцать три. Корпус два, офис сто двенадцать ноль десять. Приезжайте в любое удобное время. Рабочий день у нас до семнадцати часов. До скорой встречи.

– Ага, – буркнул я, вырубая инфор. – Ну что, Петрович, поеду с работодателем трепаться. Веди себя хорошо, старушенций не терроризируй. Тем более они нашу подушку утром притащили.

Самара, 26 июля 2537 года, утро

Искомый офис обнаружился на сто двенадцатом этаже высотной свечки в центре города. Добрался я быстро, благо таксисты около санатория дежурили круглосуточно и цены не ломили. Дольше пришлось толкаться в вестибюле офисного центра, дожидаясь очереди в лифт. Шел десятый час утра, многие клерки еще только добрались до работы, и я совершенно среди них затерялся, облаченный по случаю важной встречи в выходной костюм, ради которого пришлось заглянуть в ближайший «Shelby's». Считаю, в местный час пик попал. Тем более что забираться пришлось на самую верхотуру: фирма «Космос-Плюс» позиционировала себя как солидное заведение, а потому заняла просторный пентхаус. Впрочем, после встречи с Дмитрием Евграфовичем выяснилось, что были и другие причины. У самого лифта я умудрился вляпаться в перепалку с какой-то рыжей язвой. Когда я дождался очереди и уже было начал протискиваться в кабинку, откуда ни возьмись нарисовалась миниатюрная, если не сказать худосочная, девица и нагло вклинилась в свободное пространство прямо передо мной. Я успел лишь проводить недоуменным взглядом скрывшуюся за створками девчонку и выругался матерно, в последний миг уменьшив громкость. Зато следующий лифт от меня не ушел, и через три минуты стремительного подъема я вывалился из кабинки и уперся в дверь с цифрами «112010». Деликатно постучал, дождался традиционного «войдите» и оказался в просторной приемной, оснащенной, как водится, миловидной брюнетистой секретаршей. Здесь же в одном из гостевых кресел устроилась давешняя наглая девица.

– К Дмитрию Евграфовичу могу попасть? – осведомился я, одарив секретаршу фирменной улыбкой.

Та улыбнулась в ответ, но сказать ничего не успела – влезла рыжая язва:

– Вообще-то я тоже к Дмитрию Евграфовичу. Будьте любезны подождать своей очереди.

Я окинул девицу внимательным взглядом, отчего она слегка смутилась и очаровательно покраснела, как это умеют рыжие. Вполне себе любопытный экземпляр. Все-таки миниатюрная, а не худосочная: во всех нужных местах из-под несколько легкомысленного брючного костюма выступают весьма аппетитные округлости, пышностью не поражают, но удивительно пропорциональные. И лицо миловидное, с очаровательными ямочками на щеках. Слегка курносая, глаза светло-голубые. Стрижка короткая, волосы лишь закрывают уши. И цвет – не огненно-рыжий, не золотой, а глубокого медного оттенка, плотный и насыщенный. А на вид вы, дамочка, очень даже ничего. Жаль, если стервой окажетесь.

– Вообще-то на вашем месте я про очередь бы не заикался, – немного грубовато ответил я на ее выпад. – Удобно было в лифте?

Рыжая задрала нос и демонстративно отвернулась. Я столь же демонстративно занял ближайшее к двери кресло. Наглая девчонка набрала в грудь воздуха, явно вознамерившись устроить скандал, но тут весьма своевременно вмешалась секретарша:

– Молодые люди, будьте благоразумны! Дмитрий Евграфович примет вас одновременно. Вы ведь Денисов, Олег?

Я кивнул, подтверждая очевидное.

– А вы Рыжик, Галина?

Я громко хмыкнул, рыжая язва вспыхнула и ответила с вызовом:

– Да, это я!

– В таком случае все в порядке. Дмитрий Евграфович примет вас. – Секретарша одарила нас профессиональной улыбкой и обернулась к открывшейся двери: – Вот, он как раз освободился.

Из кабинета вышел средних лет мужчина, задубевшая кожа и немного неестественный цвет лица которого явственно говорили, что он из экипажного состава и в космосе времени провел много больше, чем на шариках.

– До свидания, Елена! – кивнул мужчина секретарше и направился к лифту.

– До свидания, Петр Иванович! – Елена склонилась над селектором и пропела: – Дмитрий Евграфович, к вам Денисов и Рыжик.

– Запускайте, – прохрипел динамик.

Мы с рыжей язвой одновременно встали с кресел и протиснулись в дверь. На двоих она явно не была рассчитана, однако нам удалось проделать сей трюк без потерь: признаться, я и сам не блистал габаритами. Сухой и жилистый, среднего роста, в свои двадцать четыре я больше походил на восемнадцатилетнего пацана-недокормыша. Ничего удивительного, в корпус Егерей других не брали. Это вам не Десант, мы на своих двоих ходим и в лесу должны быть как можно незаметнее. В принципе двухметровый детина тоже может попасть в Егеря, но ему придется несравнимо труднее.

Дмитрий Евграфович оказался добродушным на вид дядечкой лет пятидесяти. Он поприветствовал нас традиционным «здравствуйте» и жестом предложил присаживаться. Мы, не сговариваясь, упали в кресла по разные стороны гостевого стола, приставленного к хозяйскому буквой «т».

– Ну что, молодые люди, приступим? – Дмитрий Евграфович окинул нас понимающим взглядом, но комментировать не стал. – Я так думаю, большая часть вопросов у вас совпадает. Позвольте, я сначала озвучу условия, потом вы уточните, если возникнет такая надобность.

Я кивнул. Галя Рыжик (дал же бог фамилию при такой внешности!) приняла позу отличницы, скрестив перед собой руки, и преданно уставилась на вербовщика.

– Итак, я представляю интересы государственной исследовательской компании «Внеземелье», – начал он издали. – Как вы знаете, это филиал Службы Глубокого Поиска, который занимается исследованием уже открытых миров. На данный момент компания формирует экспедицию в Систему звезды HD 44594. Читали, наверное, в сетевых новостях – полгода назад туда добрался

разведывательный рейдер и доставил маяк.

– Вы про Находку говорите? – уточнил я.

Дмитрий Евграфович сделал неопределенный жест:

– Это неофициальное название, но я именно ее имею в виду.

Да, об этом я слышал краем уха. Новый рейдер с экспериментальной системой навигации в первом же испытательном прыжке достиг планетной Системы в восьмидесяти трех световых годах от Солнца. Совершенно неожиданно там обнаружилась землеподобная планета, причем с весьма мягким климатом и умеренно агрессивными флорой и фауной. И что более важно, генетически совместимыми с земными организмами – а это означало, что люди совершенно спокойно смогут употреблять в пищу тамошние продукты, да и наши животные и растения будут чувствовать себя на планете вольготно. Было бы странно, если бы федеральные власти отказались от подобной находки, тем более сейчас, когда Федерация оправилась от Большой Войны и вновь возник вопрос перенаселенности Внутренних систем.

– Экспедиция намечается крупная, – продолжал между тем Дмитрий Евграфович. – В Систему отправляется автономный исследовательский комплекс «Да Винчи»...

– Постойте-постойте! – вклинился я в речь вербовщика. – Это вы про ту развалину, что на стационарной орбите у Болла крутится? Ей же больше ста лет, она сыпаться уже должна от старости.

– База законсервирована, техническое состояние признано удовлетворительным, – отрезал агент. – Или вы думали, что специально для вас за полгода новую построят?

Тут он прав. Дальних экспедиций уже больше века не было, во Внутренних системах работы хватало, а там такая техника без надобности. А в военное время все верфи усиленно клепали боевые корабли. Так что дай бог в ближайшие два-три года хотя бы одну приспособят для сборки столь специфических громадин. Поэтому командование пошло по пути наименьшего сопротивления: расконсервировали старую развалюху, подлатали,

навигационное оборудование обновили, и готово.

– Экипаж уже укомплектован, технических специалистов тоже набрали, – сообщил Дмитрий Евграфович. – Обеспечение безопасности лежит на третьем батальоне второго полка корпуса Егерей. Вы, Олег Игоревич, с этими ребятами знакомы?

– Охотники, – хмыкнул я со знанием дела. – Непростая планета, видимо? Ребят из «двойки» рутиной не грузят.

– Подробных сведений у меня нет, – вздохнул с сожалением агент. – Если согласитесь работать с нами, непосредственное руководство введет вас в курс дела. Это детали. Экспедиция формируется на Болле, система Росс-614.

Я усмехнулся, отогнав воспоминания. Хорошая планета Болл, я там год проторчал, пока с Петровичем контакт налаживал. Да и раньше бывал, на практиках, это еще в бытность свою в академии. Очень любопытная экосистема на шарике, у Егерей там два десятка полигонов с разнообразными условиями. Жить там не очень весело, но местные пообвыклись и уезжать не спешат.

– Вы, Галина...

– Юрьевна.

– Вы, Галина Юрьевна, претендуете на место младшего научного сотрудника биологической лаборатории профессора Накамуры. – Агент пробежался взглядом по какой-то распечатке. – В принципе доктор дал добро на контакт с вами. Его весьма впечатлили ваши успехи на научном поприще. Он сказал буквально следующее: ваша работа выглядит перспективной, и он будет рад помочь и с удовольствием выступит вторым научным руководителем. Профессор Новиков не возражает, мы с ним уже разговаривали. Осталось получить ваше согласие.

– Я согласна, – еле слышно пробормотала девушка и в очередной раз очаровательно покраснела.

Ах ты моя скромняшка! Вот ей-богу, если не будешь стерву включать, приударю за тобой.

– Теперь вы, молодой человек. В составе экспедиции уже есть двое Егерей-индивидуалов, однако руководство выказало желание привлечь хотя бы одного фелинолога. Пока что вы единственный доступный специалист такого класса. Уровень вашей подготовки, равно как и вашего партнера, работодателя устраивает. Осталось получить ваше согласие.

В принципе тут и думать нечего. Перед визитом в «Космос-Плюс» я изучил сайты всех более-менее крупных сетевых кадровых агентств, но на данный момент все вакансии представляли собой именно что рутину, какую я неминуемо заполучу через две недели в приказном порядке. Так что подвернувшийся шанс грех упускать.

– Я согласен.

– Замечательно, – расплылся в довольной улыбке Дмитрий Евграфович. – Сейчас мы с вами составим контракты, юридически оформим, и вы будете считаться официально зачисленными в состав экспедиции. И тогда останется лишь одна формальность – добраться до системы Росс-614. К сожалению, последний корабль компании покинул Солнечную систему двое суток назад, так что вам придется добираться рейсовым лайнером. Советую не откладывать покупку билетов на потом. Впрочем, могу предложить билеты на завтрашний рейс – лайнер «Саратога» стартует с орбиты в двадцать ноль-ноль по Гринвичу. Челнок уходит из космопорта «Курумоч».

– А в чем подвох? – заинтересовался я.

Уж больно мне выражение лица агента не понравилось.

– Лететь придется в двухместном номере. Других билетов, к сожалению, предложить не могу, эти-то с трудом удалось забронировать. Можете, конечно, поискать другой рейс, но учтите, что на Болл нужно прибыть не позднее чем через шестеро суток.

– Я буду искать другой билет, – буркнула Галя, зыркнув на меня исподлобья. – Не желаю делить с этим хамом каюту несколько дней.

– Собственно, возразить нечего, – хмыкнул я. – Попробую выкрутиться.

– Ну, как знаете, – развел руками Дмитрий Евграфович. – Бронь до пяти вечера, так что поторопитесь.

Самара, 26 июля 2537 года, день

Дмитрий Евграфович как в воду глядел – других билетов и впрямь не нашлось. Один дорогуший люкс на «Эскалейде» – суперлайнере, обслуживающем «золотой треугольник» Внутренних систем, – прямо из-под носа увел какой-то мажор, остальные же предложения не устроили меня из-за сроков: минимальное опоздание составляло трое суток. Пришлось скрепя сердце отзваниваться агенту и принимать его предложение. Тот понимающе ухмыльнулся, выслушав мое признание, и посоветовал собирать вещи. В заключение пообещал прислать глайдер за два часа до отправления и отключился.

Нищему собраться – только подпоясаться. Весь мой скарб легко уместился в средних размеров чемодане: по въевшейся привычке я лишними вещами себя не обременял, предпочитая обзаводиться одеждой на месте, а излишки отправлять в утилизатор. Лишь мыльно-рыльные принадлежности с собой возил да коннектор – нечто вроде ажурной короны с блямбами усилителей на висках. Эта приблуда уникальная, почти год ее настраивали с Петровичем. Столь же уникальным был и комплектный КПК в виде браслета – не в плане «железа», а в плане «софта» – он обеспечивал подключение коннектора к любому подходящему вычислителю. Впрочем, архивные копии программ имелись в защищенном сетевом хранилище, однако утрата оригиналов сулила нешуточный бюрократический геморрой. Посему беречь оборудование приходилось как зеницу ока, особенно в последний месяц: я поленился снимать ячейку в банке, да и толком не знал, где окажусь в конце отпуска, так что в отелях селился в номерах с сейфами.

Упаковав компактный кейс с оборудованием в чемодан, туда же отправил несколько смен белья, пару футболок, джинсы и кеды: перелет три дня, нужно будет в чем-то по кораблю ходить. По прибытии на основное место службы обзаведусь положенными комплектами формы, и можно будет от излишков избавиться. Костюм от «Shelby's» сохраню – слишком дорогое удовольствие, чтобы его утилизатору скармливать. Прямо в нем и отправлюсь в космопорт,

шikanу напоследок. Так же решил поступить и с консервативного вида полуботинками из натуральной кожи. Пускай будет выходной костюм: автономный исследовательский комплекс – это целый космический город со всеми сопутствующими атрибутами, включая увеселительные заведения. Чем черт не шутит, вдруг придется «выйти в свет». Второй, повседневный, планшетник упаковывать покуда не стал. Нужно будет вечером еще по Сети пошарить в поисках доступной информации.

Из предметов первой необходимости остались лишь Петровичев контейнер – стандартная приблуда для перевозки домашних любимцев да запас копченых кальмаров в нарезке. Ума не приложу, что он в них нашел, но эти стружки неопределенного вкуса проходили у моего напарника в графе «лакомство». Да, еще спецшампунь: шерсть у охотничьего кота особенная, на вид и на ощупь мягкая и шелковистая, однако густая до такой степени, что держит практически любой удар. Когти с нее соскальзывают, равно как и зубы, поэтому Петровича поцарапать, порезать или нанести ему иное повреждение верхних покровов практически нереально. Опасны лишь переломы да компрессионные травмы, но даже кинетическое воздействие шерсть значительно демпфирует. Плюс ко всему кончики волосков способны менять цвет, как шкура у хамелеона, так что Петрович рыжий лишь в домашней обстановке. Во всех остальных случаях он подстраивается под окружающий пейзаж, причем совершенно автоматически – с молодых ногтей приучен.

Покончив со сборами, я отправился в санаторскую столовую, а после залез в Сеть, где и просидел остаток дня. Можно было, конечно, с Машей попробовать помириться, но желания такого я не испытывал, а Петрович не настаивал, хоть и послужил причиной раздора. Этот гад, когда я сообщил ему последние новости, решил напоследок оттянуться и сбежал из номера уже знакомым способом – через окно. На шестой этаж ему было плевать: с его когтями спуститься по шероховатому пенобетону труда не составляло. Даже от пайки из столовки отказался – до того торопился на прощальное свидание. Или свидания, учитывая его любвеобильность.

Космопорт «Курумоч», 27 июля 2537 года, вечер

Обещанный глайдер прибыл вовремя, я как раз успел сдать номер строгой консьержке и перетащить пожитки к подъезду. Верткая машина сине-белой корпоративной окраски приземлилась буквально у моих ног, багажник

приветливо распахнулся, и мне осталось лишь закинуть туда чемодан. В щегольском костюме и с клеткой кота в руках я чувствовал себя немного скованно, но водила оказался парнем бывалым – и не такое видывал, особенно когда готовых клиентов с гулянок развозил. Я кое-как втиснулся на заднее сиденье, пристроил напарника рядом, послав ему успокаивающий мысленный импульс. Тот в ответ нарисовал умильного котенка, скребущего лапой закрытую дверь, но я оставил нытье без внимания: все равно до космопорта добираться как-то надо, и глайдер не самый плохой вариант. Водила понимающе ухмыльнулся и рванул с места в карьер, резко набрав высоту. Желудок стремительно ухнул в район пяток, но вскоре от неприятных ощущений не осталось и следа – я отдался упоительному чувству полета. Петрович беспокойно метался по клетке и утробно подвывал: он с младенчества не любил две вещи – летать и мыться.

Против ожидания водила направил глайдер к видневшимся вдалеке свечкам небоскребов, хотя я был уверен, что нам в другую сторону. Однако спорить не стал, мало ли какие у него резоны.

– Еще одного пассажира заберем, – пояснил он через некоторое время, не вдаваясь в подробности.

Пунктом назначения оказался давешний офисный центр, вернее, его крыша с шикарным пентхаусом и вертолетной площадкой. И знаете, я ничуть не удивился, когда из стеклянных дверей показалась Галя Рыжик. Сопровождал ее сам Дмитрий Евграфович, нагруженный парой увесистых баулов.

– Добрый вечер! – поздоровался я сразу с обоими, но наглая девчонка жест доброй воли с моей стороны проигнорировала.

– Добрый, – пропыхтел Дмитрий Евграфович, сваливая сумки в багажник. – И счастливого пути! Надеюсь, путешествие будет приятным.

Девушка, всем своим видом показывая, что очень в этом сомневается, устроилась на переднем сиденье. Водила галантно захлопнул дверцу и, что называется, поддал газку. Вертолетная площадка ухнула вниз, и глайдер заложил крутой вираж, выходя на курс. Галя фыркнула, оценив манеру пилотажа водилы, и тут же сморщила нос, подозрительно уставившись на клетку.

– Только не говорите, что у вас там кот! – прогнусавила она и чихнула.

Блин, только этого нам не хватало! Неужели в наш век всемогущей медицины она страдает аллергией? И на кого – на кошек! Не могла на чем-нибудь попроще остановиться, на пыли там или тополином пухе...

– Апчихи!!! У бас дам дочко кот! – Девушка со страдальческим видом извлекла из сумочки влажную салфетку и принялась промокать слезящиеся глаза. Правда, помогло это мало, а тут еще и нос начал предательски хлюпать. – Ну как же так! А-а-апчихи!!! Дасморк еще! Нет, я так не могу! Знала бы я, что у вас кот, ни за что бы не согласилась ехать вместе!

– Дмитрий Евграфович говорил ведь, что я фелинолог, – попытался я разделить ответственность с вербовщиком. – А почему вы не сказали, что у вас на кошек аллергия?

– Да откуда я могла знать, что фелинолог – это с котами связано? – сделала большие глаза Галя. С учетом покраснения и непрерывно катящихся слез видок у нее был еще тот. – Хотя подозревала, были ассоциации с кинологами. Апчихи!

Хочешь не хочешь, а с каютой придется как-то решать вопрос. Трое суток в одном помещении с нами она однозначно не выдержит. Но и Петровича сдавать в багаж я не собираюсь. Весь оставшийся до космопорта путь девушка тихо страдала, то и дело утирая слезы и чихая, а я по мере сил боролся с чувством вины. В конце концов, не выбрасывать же Петровича из глайдера? Могла бы и предупредить...

Когда летательный аппарат аккуратно примостился у пассажирского терминала и водила разблокировал дверцы, Галя пулей вылетела из салона. Самолично нырнула в багажник и с некоторым трудом поволокла баулы к стойке регистратора. Долго она там не задержалась – буквально через пару минут гордо прошествовала в посадочную зону. Глаза у нее слезиться почти перестали, но нос все еще предательски хлюпал.

Я извлек чемодан на свет божий, подхватил клетку с Петровичем и попрощался с водилой. Тот незамедлительно прыгнул в глайдер и умчался куда-то вдаль, причем маневрировал куда аккуратнее, чем в санатории, – видимо, диспетчеры космопорта воздушного хулиганства не поощряли.

Я вздохнул тяжело, однако времени решил не терять – от сложного разговора все равно не отвертеться. Остановившись у стойки, я пристроил клетку на пол и улыбнулся миловидной девушке-оператору:

– Добрый день! У меня возникли кое-какие сложности, вы не могли бы мне помочь?

– Здравствуйте! – профессионально скрыв озабоченность, отозвалась та. – Постараюсь сделать все, что в моих силах.

– У меня билет на «Саратогу», восьмичасовой рейс. Я хотел бы поменять каюту, желательно на одноместную.

– Все каюты заняты, – немедленно отреагировала операторша, стрельнув глазами на скрытый от меня монитор. – Извините, ничем помочь не могу.

– Понимаете, это не прихоть, – вздохнул я. – Помните девушку, которая прямо передо мной регистрировалась? Так вот, мы летим с ней в одной каюте. Со мной питомец, а у нее тяжелейшая аллергия на кошек. Думаю, лучше разрешить ситуацию сейчас, чтобы на старте не было неожиданностей.

– Вообще-то вы должны перевозить животное в специальном контейнере в специально оснащенной комнате. На «Саратоге» такой отсек есть, – недоуменно посмотрела на меня собеседница.

Вместо ответа я извлек из кармана Петровичев идентификатор. Девушка воткнула пластиковый прямоугольник в щель сканера, потратила несколько минут на чтение и без возражений взялась за инфор:

– Диспетчерская? Срочно пришлите квартирмейстера с «Саратоги», возникла проблема с размещением специфических пассажиров.

Что ей ответили, я не расслышал, но девушка поспешила меня успокоить:

– Подождите несколько минут, сейчас подойдет лейтенант Бернс и что-нибудь вам посоветует.

Упомянутый лейтенант явился удивительно быстро. Выслушал мои объяснения, поглазел на Петровича и глубоко задумался. Результатом интенсивной мыслительной деятельности делиться не спешил, взвешивая все «за» и «против», но в конце концов решение предложил:

– Уважаемый Олег Игоревич, во-первых, я от лица команды лайнера «Саратога» приношу вам извинения за доставленные неудобства. Во-вторых, с прискорбием должен сообщить, что свободных мест нет. Я могу попытаться договориться с кем-нибудь из пассажиров о замене, но на это нужно время. Придется вам часть пути делить жилище с госпожой Рыжик.

– Вообще, мне это особых неудобств не доставит, – немного покривил я душой. Ладно, с собственной совестью как-нибудь договорюсь. – Только, боюсь, госпожа Рыжик мириться с таким положением дел не будет. Насколько я ее успел узнать, она устроит грандиозный скандал. И я бы на месте ваших менеджеров уже начал готовиться к судебному разбирательству.

– Думаете, госпожа Рыжик настолько стерва? – задумался Бернс. – В принципе есть еще вариант. Но он сопряжен с некоторыми для вас неудобствами.

Я вопросительно заломил бровь.

– Понимаете, свободных пассажирских кают у нас нет, – зачастил лейтенант, – зато пустует несколько матросских кубриков. Но, сами понимаете, они расположены на другом уровне корабля, добираться оттуда до столовой и прочих заведений очень неудобно.

– Плевать! – зацепился я за предложение. – Неужели вы думаете, что меня, профессионального Егеря, испугают такие мелочи? Удобства в кубрике имеются?

– Конечно! – слегка оскорбился за родную посудину лейтенант. – У нас новейший лайнер. Кубрик четырехместный, но вы будете там жить один. То есть с котом конечно же. Компания возместит вам ущерб за счет снижения стоимости перелета.

– Да забудьте, – отмахнулся я. – Главное, вы мне пропуск выправьте, чтобы не пришлось на проходной каждый раз объясняться.

– Само собой! – Довольный Бернс пожал мне руку в знак договоренности и двинулся на посадку.

Я возражать против такого развития событий не стал, подхватил пожитки с Петровичем и поспешил за провожатым. Честно говоря, от встречи с лейтенантом я даже выиграл – не пришлось толпиться в посадочной зоне. Бернс приехал на электрокаре, так что до челнока докатили с ветерком. Слегка растрепанная Галя уже заняла место в салоне, и я постарался устроиться как можно дальше от нее, дабы не спровоцировать рецидив аллергической реакции. Эк завернул! Кстати, тревожный звоночек: столь велеречивым я обычно становлюсь, если мне барышня реально нравится. Чур меня, чур меня! Не хватало еще с этой рыжей язвой связаться.

До старта оставалось еще почти полчаса, поэтому я не отказал себе в удовольствии употребить «соточку» коньяка, весьма кстати предложенного стюардессой. Последовавшие процедуры предполетной подготовки, разгон и маневрирование на околоземной орбите пролетели удивительно быстро – я незаметно для себя задремал, утомленный сегодняшней суетой. После стыковки с лайнером на выходе из шлюза меня перехватил лейтенант Бернс и увлек к служебным лифтам. Я успел заметить недоуменный взгляд, которым меня проводила Галя, но сразу выбросил ее из головы: размещение на новом месте дело серьезное, даже если обитать в нем предстоит всего трое суток.

Лайнер «Саратога», 27 июля 2537 года, вечер

Еще через пару часов, когда лайнер закончил разгон и лег на курс к точке перехода, я отправился на разведку. Лейтенант Бернс по секрету проболтался, что прыжок планируется через тридцать часов, когда по корабельному времени будет глубокая ночь, поэтому для большинства пассажиров он останется незамеченным. А покуда вполне можно сходить в одно из увеселительных заведений, расположенных на третьей палубе. Список прилагался и весьма впечатлял: «Саратога» – лайнер крупный, почти две тысячи пассажиров берет, и всей этой ораве как-то нужно убивать в полете время. Это нам с коллегой хорошо – один прыжок, всего трое суток. А некоторые деятели и до конечной летят, а это пять систем, итого больше двух недель. Посему в развлекательном комплексе было все необходимое – начиная с уютных кафешек и заканчивая шикарными ресторанами и кабаре. Спортивные объекты тоже имелись в ассортименте.

До третьей палубы пришлось добираться на лифте, миновав проходную: без надобности персонал старался в пассажирских отсеках не показываться, за чем следили специально обученные люди. Ко мне у них вопросов не возникло, и я благополучно выбрался на местный Бродвей. Петровича скрепя сердце оставил в кубрике – нечего ему по кораблю шастать, людей пугать. Не мудрствуя лукаво свернул в первое попавшееся заведение – им оказалось уютное автоматизированное кафе с уклоном в европейскую кухню. Заказал ужин, легко справившись с совестью, поскольку Петрович получил свою порцию стружки кальмара и целую банку корма. Тот еще деликатес, если подумать, но ему полезно – от человеческой еды для него проку мало, так, полакомиться. А за этим дело не станет – специально для него что-нибудь прихвачу. Едва я принялся за шницель в сливочно-грибном соусе, как заверещал инфор на руке. Я недовольно покосился на дисплей и ответил на вызов:

– Галя? Вы что-то хотели?

– Ой, а вы где? – прощепетала девушка на том конце провода. – Я вас найти никак не могу...

– А вам зачем? – хмыкнул я.

– Поблагодарить хочу, – рассмеялась Галя. – Вы мой герой! Как вы умудрились себе каюту выбить? Откроете секрет?

– Не-а, это ноу-хау, которым я собираюсь торговать. – Я окинул взглядом внутренности кафешки, зацепился за меню. – Я в кафе «Европа», это на третьей палубе.

– Ой, да я рядом совсем! – обрадовалась девушка и отключилась.

Через несколько минут она стремительно ворвалась в зал и рухнула в кресло напротив меня. Огляделась в поисках Петровича и скорчила разочарованную гримаску:

– А где ваш питомец? Я хотела с ним поближе познакомиться.

– В кубрике запер, чтоб не набедокурил чего, – пояснил я, передавая девушке меню. – Будете заказывать?

– Если только десерт, – отмахнулась она. – Волнуюсь что-то, на сладкое тянет.

– Первый раз в космосе?

– Ага. – Галя сдула непослушную рыжую прядку и осведомилась: – А что, так заметно?

– Нет, просто у меня интуиция развита. – Я вернулся к шницелю и некоторое время сосредоточенно жевал. Немного невежливо, но я вообще-то сюда именно пожрать пришел, а не на свидание. – Вина?

– Давайте. Только выбирайте сами, я в этом не разбираюсь.

Я пробежался пальцами по сенсорному дисплею меню.

– Сейчас будет. А вы действительно раньше никогда не летали?

– Не-а, – улыбнулась девушка. – Сама поражаюсь, за двадцать с лишним лет даже на Луну не выбралась. Наука, что вы хотите.

– А вы непохожи на фаната биологии, – хмыкнул я. – У меня слово «ученый» совершенно с другим типажом ассоциируется. Я бы вас скорее за мелкого клерка принял.

– Сомнительный комплимент, – укоризненно покачала головой Галя. – Впрочем, про вас бы я тоже не подумала, что вы супермен.

– Да боже упаси! – махнул я рукой. – Наша работа суперменства не поощряет. У нас прежде всего думать надо и очень много ходить.

– А как же романтика?

Я помотал головой, задумчиво уставившись на киберофицианта. Тот как раз доставил заказанное вино и пару фужеров.

– Можно подумать, у вас много романтики. – Я заглянул девушке в глаза, уловил в них веселых чертиков и решился: – Предлагаю тост: во-первых, за знакомство с красивой девушкой, во-вторых, за дружбу и, в-третьих, за удачу!

– Поддерживаю! – Галя легонько звякнула своим фужером о тонкую ножку моей емкости и пригубила вино. – Вы действительно считаете, что я красивая?

– Несомненно! – сделал я честные глаза. – Правда, вы мне сначала показались слегка стервозной.

– Не в бровь, а в глаз! – рассмеялась девушка. – Именно за это меня мужчины не любят. А еще за то, что я умнее многих из них.

Блажен, кто верует. Хотя вполне может быть – не зря же ее в штат экспедиции взяли, да еще какой-то профессор Накамура лично. Собственно, на профессора плевать с высокой колокольни, а вот с Галиной вполне можно было бы завести более тесное знакомство. Очень приятная девушка, а с характером потом разберемся.

– А давайте на «ты»? – предложила вдруг Галя, опередив меня буквально на мгновение.

– Это нужно понимать как предложение мира? – выгнул я бровь.

– Полного и безоговорочного! – подтвердила девушка. – Осознала вину и раскаялась. На брудершафт пить будем?

– Оставь эти пошлости. – Я отсалютовал собеседнице фужером. – За тебя!

– Спасибо. Может, все-таки расскажешь, как каюту выбил?

– Это все Петрович, – перевел я стрелки на напарника. – Он у меня очень важная персона.

– Издеваешься? – надула губки Галя.

– Серьезно. Петрович – охотничий кот. А я Егерь-фелинолог.

– А я биолог-исследователь, – хмыкнула девушка. – Зоолог, изучаю эукариотические организмы. В частности, физиологию и анатомию животных.

– Уела! – поднял я руки в жесте «сдаюсь». – Ладно, буду объяснять по пунктам.

Галя приняла уже знакомую мне позу прилежной ученицы и обратилась в слух.

– Охотничий егерский кот – это специально выведенная генно-модифицированная порода, – начал я издавека.

– Генная инженерия запрещена, – немедленно сделала строгое лицо девушка.

– Это сейчас, – отмахнулся я. – А сто пятьдесят лет назад она была обычным явлением вплоть до моратория триста восьмидесятого года. Ну это когда андроиды взбунтовались на Каллисто. Короче, не важно. Петрович – особенное животное. Для фелинолога его охотничий кот больше чем просто питомец и даже больше чем друг. Кот – вторая половина. Понимаешь, у нас с ним ментальная связь, мы можем напрямую обмениваться мыслеобразами. А если еще коннектор подключить, который образы конвертирует в осмысленные фразы, вообще общаться можем без проблем. Уровень интеллекта у него соответствует пятилетнему ребенку, разве что абстрактное мышление очень слабо развито.

– Ты разговариваешь с котом? – По лицу девушки было видно, что она не очень-то и поверила в мои рассказы.

– Не разговариваю, – поморщился я. – Он слов не понимает, животное все же. Я посылаю ему мысленные образы, для него понятные. А он посылает образы мне. Когда общаемся напрямую, приходится картинки расшифровывать. Когда подключен коннектор, он автоматически преобразует образы Петровича в понятные мне слова, а мои слова – в образы для кота. Понятно, что это возможно лишь для определенного набора таких картинок, короче, как словарь. Если возникает какое-то новое понятие, коннектор его не преобразует, а передает

именно образ, который я расшифровываю самостоятельно. Потом он автоматически заносится в базу данных. Так и живем. Мы с Петровичем целый год просидели на егерском полигоне, пока словарь составляли и притирались друг к другу.

– Как интересно! – восхитилась Галина. – А почему я об этом никогда не слышала?

– А тебе и не положено, – пожал я плечами. – Фелинологов очень мало, всего пара сотен на весь корпус Егерей. Мало у кого из людей имеются врожденные предпосылки, а искусственно их развить и вовсе не реально, если способностей нет.

– Но почему именно коты?

– Потому что, – хмыкнул я и повторно наполнил бокалы. – Давай, за удачу!

Девушка тост поддержала, но скорее из любопытства, – видимо, поняла, что я должен обдумать речь. Между прочим, информация не для свободного распространения, как бы не выйти за рамки.

– Из всех домашних животных у кошек наиболее сильные способности к телепатии, – продолжил я. – Этот факт сыграл решающую роль в выборе. Оставалось лишь усилить их и приспособить этот довольно слабый вид к неблагоприятным условиям. Генетикам это удалось. Заодно они развили интеллект кошек и усилили их в физическом плане. Видела Петровича?

– Нет, мне хватило одного его присутствия, – потупилась девушка. – А потом глаза заслезились.

– Так вот, сибирская порода и так одна из самых крупных, но их еще увеличили. Охотничий кот лишь немногим мельче средней собаки, однако гораздо более вынослив. Может в сутки пройти до пятидесяти километров без последствий для здоровья. Плюс шерсть у него очень плотная и упругая – держит удар когтями и сопротивляется зубам. Короткошерстные породы не подходят, селекция проводилась у сибиряков, персов и шотландских хайлендеров. К тому же такой кот может менять окрас – совершенно неосознанно, он просто сливается с окружающей средой, когда охотится. В обычное время окрас у него постоянный,

мой Петрович, например, рыжий.

– Но ведь у собак нюх лучше, логично было бы их для охоты использовать? – удивилась Галя.

– Нет, это заблуждение. Кошки – идеальные хищники. У них хорошее зрение, особенно ночное, острый слух и достаточно чувствительный нюх. Плюс они очень чистоплотные – предпочитают растворяться в окружающих запахах, поэтому свой тщательно уничтожают. Заметила, что кошки постоянно вылизываются? А для Внеземелья это очень хорошо: на любой чужой планете новый запах выделяется очень сильно. Собака только моментально выдала бы себя.

– Век живи – век учись! – хмыкнула девушка. – Можно я с Петровичем как-нибудь пообщаюсь?

– У тебя же аллергия.

– Переживу, на крайний случай фильтры в нос вставлю.

– Почему нет? – не стал возражать я. – Приходи в гости. Хотя это вряд ли, тебя на техническую палубу не пустят. Лучше мы к тебе.

– Хорошо. А почему его нельзя в спецотсеке перевозить?

– Перевозить можно, только это отрицательно сказывается на его психике, – пояснил я. – Все-таки Петрович уже не просто животное, он мыслящее существо, и оказаться запертым в компании бессловесных тварей для него нешуточный стресс. Можно, конечно, общаться и на расстоянии, но контакт будет слабый. Его это явно не устроит. А в момент прыжка ему лучше всего находиться в непосредственной близости от меня, иначе может «настройка» сбиться, и придется нам еще год на полигоне торчать. Это в лучшем случае. В худшем – связь разорвется навсегда, и кот элементарно сойдет с ума.

– Но почему?

– Потому что он связан только со мной. Партнера поменять не получится. Пары подбираются очень тщательно, с учетом множества параметров, потом долго

притираются друг к другу и работают вместе пожизненно. Именно поэтому Петрович – кот. С кошкой я бы не смог наладить полноценный контакт, ментальность разная. Даже если бы и наладил, то скоро бы шизофреником стал: каково, по-твоему, мужику делить собственный мозг с особью женского пола, обладающей интеллектом и непосредственностью ребенка, но с вполне взрослыми желаниями? Тут иногда на Петровича такое находит, что с трудом верится. Он пошляк еще тот, и весьма активный в этом отношении.

– Но ведь кошки недолго живут... У егеря стресс жуткий случается после потери партнера?

– Очень редко, если только кот внезапно гибнет, – покачал я головой. – Это самый неблагоприятный исход. Егерю тогда приходится долго в клинике торчать, пока доктора мозги в порядок не приведут. А вообще охотничьи коты живут около сорока лет, из них порядка тридцати – период активности. Мы с Петровичем уже три года работаем и на пенсию выйдем вместе – я лет в пятьдесят, он соответственно в тридцать с гаком. Опять же без реабилитации никак не обойтись. Но такова наша судьба, и оно того стоит.

– Как все сложно, – вздохнула Галя. – Хотя жутко интересно. А почему у твоего кота имя такое странное?

– Ничего не странное, – вступился я за питомца. – Это сокращение. Он все-таки породистый и по документам числится как Василий Иоганн Петровский Распадок, причем Петровский Распадок – это питомник, откуда он родом. Однако выговаривать это – язык сломаешь. Василий – слишком банально, Иоганн вообще ни в какие ворота не лезет. Вот и прижился Петрович. Ему нравится, и мне удобно. Кстати, странно, почему у тебя на него аллергия – сибиряки ее как раз не вызывают. Может, это у тебя просто условная реакция на любую кошку?

– Ага, у меня психогенная аллергия – чисто психологической природы, – подтвердила девушка. – Поэтому и вылечить не могут, куда уже только не обращалась.

Вот теперь все понятно. Тут способ избавления ровно один – побольше общаться с кошками, и постепенно от аллергии не останется и следа. Был у нас в учебке один паренек с такой же проблемой. За полтора месяца вылечился, пока на волну кота настраивался. Потом стали не разлей вода.

– Может, еще куда-нибудь заглянем? – предложил я, убедившись, что бутылка опустела. – В кино, например?

– Не тянет что-то, – мотнула головой Галя. – Хотя идея хорошая – пойдем, может, и найдем что подходящее.

Система Росс-614, планета Болл,

космопорт «Диптаун»,

30 июля 2537 года, день

– Господин Денисов? – Вертлявый коротышка средних лет перехватил нас на входе в пассажирский терминал, я даже толком не успел оглядеться.

– Допустим, – кивнул я, без особого энтузиазма пожимая пухлую ладошку. – С кем имею честь?

– Егоров Викентий Федорович, младший научный сотрудник биологической лаборатории профессора Накамуры, – отрекомендовался мужчина. – Шеф просил вас встретить. А вы, я так понимаю, госпожа Рыжик, наш новый специалист-зоолог? Весьма польщен.

Викентий Федорович галантно приложился губами к Галиному запястью, для чего повернулся к ней всем телом – шеи у него почти не было, зато имелось задорно торчащее пузо и обширная плешь. Любопытный типаж – этакий живчик плотной комплекции, рубаха-парень и душа компании. Причем с первых мгновений стало ясно, что он такой и есть на самом деле – ни капли притворства, открытый и приветливый. До назойливости. Ладно, переживем. Уж лучше надоедливый записной весельчак, чем скрытная сволочь в маске шута. Самое главное, такие люди обычно не злопамятны, легко идут на контакт и в общении ненапряжные. Можно и послать при случае, воспримет это как должное и через минуту забудет.

– А почему именно вы нас встречаете? – поинтересовался я на ходу, когда мы пересекли терминал и направились к ярко-желтому глайдеру. – Ладно Галя,

коллега, можно сказать. А я вам зачем? До кучи?

– А вы еще не знаете? – изумился Викентий Федорович. – Вообще-то мы все коллеги. Вы зачислены в штат биологической лаборатории. Будете обеспечивать безопасность полевых выходов и добывать образцы.

За-ши-бись, как говорится.

– Значит, мы будем работать вместе? – дошло наконец до Гали. – Как хорошо! Видеться будем часто.

Блин, мне бы твои заботы! Вот чего угодно ожидал, только не того, что придется работать нянькой при биологах. Обеспечивать безопасность полевых выходов! Ха, ха и еще раз ха! Это работа для ребят из батальона, а не для уникального, не побоюсь этого слова, специалиста. Похоже, фелинолога привлекли по прихоти неведомого профессора Накамуры. Тому, видимо, показалось, что будет очень круто иметь в составе лаборатории представителя столь редкой профессии. И по фигу, что молодые ученые страдают избытком энтузиазма, а потому склонны влипнуть во всяческие неприятности. И уследить за ними просто нереально: такие вот Гали Рыжики без всякого злого умысла умудряются влезать в такую задницу, что диву даешься. И потом искренне недоумевают: а что такого? Живы же все, чего орать-то?! Блин!

– Пристегивайтесь, ребята, – напомнил Егоров, устроившись на водительском месте. – Полетим с ветерком. Вы немного припоздали, челнок из-за вас пришлось задержать. Так что сейчас летим на военный космодром, а оттуда сразу на «мамку». Старт через шесть часов.

– Я думал, у нас еще пара суток в запасе, – хмыкнул я недоуменно.

– Все переиграли в последний момент, – махнул рукой Егоров. – У двигателистов какие-то заморочки начались, они настояли на ходовых испытаниях. Вот и решили раньше стартовать, чтобы в случае чего из графика не выбиться. База недавно с консервации, сами знаете, сто с лишним лет провисела на орбите, вот и сыплется все подряд.

Что ж, этого следовало ожидать. Когда нанимаешься на работу в последний момент, морально готовишься к гонке со временем. Так что я без возражений

устроился на заднем сиденье, галантно уступив переднее Гале. Пристроил рядом клетку с Петровичем и послал ему образ разгромленной квартиры – типичную картинку бардака, который остается после кошачьих игр. Напарник меня прекрасно понял и сочувственно мяукнул.

Викентий Федорович оказался лихачом почище приснопамятного таксиста: глайдер взял с места в карьер и в считанные мгновения набрал высоту в пару тысяч метров. На этом горизонте воздушное движение было слабым, и Егоров от души выжал гашетку, разогнав аппарат до максимально возможной скорости. Что характерно, воздушная полиция на его выкрутасы внимания не обратила: или полисмены уже привыкли к подобному, или, скорее всего, нам выделили безопасный коридор.

В общем, до обещанного космодрома добрались меньше чем за час. Неплохой результат, если учесть, что данный объект располагался в другом полушарии, на втором из материков этой не самой приветливой планеты. Климат местный нам с Петровичем прекрасно знаком, почитай во всех широтах Болла побывали во времена оны, потому обширной каменистой пустыне мы ничуть не удивились. Флотские расположили взлетно-посадочный комплекс в самом центре безжизненной равнины, дабы никому не мешать, а потому и сами не стеснялись: то и дело на горизонте с ревом взлетали челноки, расчерчивавшие темное небо яркими хвостами выхлопов. В Южном полушарии в этих широтах уже вечерело, так что зрелище было феерическое. Егоров по широкой дуге облетел стартовый комплекс и посадил глайдер около корпуса пассажирского терминала. От гражданских оное сооружение отличалось лишь предельным аскетизмом отделки да сугубо утилитарной направленностью.

На входе нас остановил было шкафоподобный марин, но Викентий Федорович проигнорировал требование пройти обычные процедуры типа сканирования и дезинфекции, сунув тому под нос пропуск. Шкаф моментально сдুলся и пропустил нас на территорию, даже в клетку не заглянул. Далее наш путь пролегал к стандартной капсуле монорельса, которая за считанные секунды добралась до челнока. На борту нас встретил молоденький мичман, проводил в пассажирский отсек, где мы с минимальными удобствами разместились в противоперегрузочных коконах, и отбыл по своим делам, предупредив, что взлет через пятнадцать минут. Я закинул клетку в багажное отделение и разместил Петровича на коленях: он хоть и выносливый, но в перегрузке даже для него приятного мало. Ободряюще улыбнулся слегка побледневшей Гале, обхватил крепче напарника и закрыл глаза. В нашем деле главное расслабиться и

получать удовольствие.

Вскоре челнок едва заметно дернулся – сработал антигравитационный привод. Я неоднократно наблюдал взлет со стороны, поэтому прекрасно ориентировался в происходящем. Сейчас, например, невидимая рука приподняла тушу корабля на десяток метров над землей, и он медленно и величаво двинулся к стартовой зоне. Так что пока можно расслабиться. А вот повторный толчок возвещает о готовности к рывку: челнок замер над кратером взлетной площадки и прогревает дюзы. Я прижал кота к животу и начал обратный отсчет. Как всегда, немного не угадал: челнок окутался пламенем выхлопа и рванул ввысь на счет «четыре». Ослабленная коконом перегрузка вжала меня в кресло. Петрович недовольно взвыл, выдав образ забившегося в угол испуганного котенка, и я поспешил успокоить напарника картиной стартующего корабля. Кот сразу же уgomонился: ему уже неоднократно приходилось участвовать в подобных приключениях. Просто военный транспорт не чета гражданскому, на удобство пассажиров флотским извергам плевать с высокой колокольни, вот и струхнул с непривычки.

Выход на орбиту, маневрирование в ближнем космосе и последующая стыковка с исследовательским комплексом заняли около двух часов, так что я со спокойной совестью задремал. Петрович последовал моему примеру. Проснулись мы лишь после того, как жизнерадостный Викентий Федорович потрепал меня за плечо. Галя сидела в противоперегрузочном коконе и вид имела напуганный – еще бы, второй старт, если считать убытие с Земли, и такое испытание для нервов. Я опять улыбнулся девушке и послал Петровичу незамысловатый образ. Тот мяукнул одобрително, рыжим мячиком скакнул на колени Галины и принялся с умильным видом вылизывать ей руку. Девушка было сморщилась, но пересилила себя и не чихнула. Почесала благодарно рыжего разбойника за ухом и решительно поднялась с кресла, уронив кота на палубу. Тот ничуть не обиделся и принялся тереться о Галину ногу.

– Добро пожаловать на базу «Да Винчи»! – торжественно провозгласил Викентий Федорович и не удержался от несколько театрального жеста.

Система Росс-614,

исследовательская база «Да Винчи»,

30 июля 2537 года, вечер

Оставшееся до старта время прошло в суете и заботах. Первым делом мы всей компанией добрались до жилой палубы номер семь: именно здесь по штатному расписанию разместили персонал лаборатории профессора Накамуры. Я надеялся, что квартироваться буду в более привычной обстановке, вместе с остальными Егерями или хотя бы с ребятами из батальона, но у руководства на этот счет было другое мнение. Викентий Федорович проводил нас с Галей до самого блока, в котором, вопреки традициям, оказалось всего четыре каюты – вот она, довоенная роскошь! Хотя мне это даже нравится, ближайшие две недели проживем как люди. Тем более что оставшиеся две каюты пустовали: материнский корабль комплекса мог нести до пяти тысяч пассажиров, в то время как состав экспедиции едва превышал две с половиной. Мне это по секрету сообщил Егоров, когда я удивился такому расточительству. В общем, кают-компания и небольшой спортзал с мини-бассейном оказались в полном нашем распоряжении, равно как и встроенная в душевую сауна.

Галя сразу же скрылась в своей каюте, а я не поленился обойти владения. Верный Петрович внимательно обнюхал все углы, фыркнул на бассейн с прохладной водой и по-хозяйски устроился в кресле посреди кают-компаний.

– Дрыхнуть будешь? В добрый путь. – Я почесал напарника за ухом и отправился обживать собственную каюту.

Собственно, каютой назвать этот роскошный номер из двух комнат с санузлом и мини-кухней язык не поворачивался. Даже на самых комфортабельных пассажирских лайнерах подобные апартаменты не предусматривались. Сказались десятки лет строгой экономии: инженеры-проектировщики тоже люди, жили они в таких же условиях, что и подавляющее большинство граждан Федерации, вот и выходили у них курятники с клетушками. Правда, последние лет десять эту тенденцию ведущие кораблестроители начали преодолевать, но полностью избавиться от наследия тяжелых лет удастся еще не скоро. Плюхнувшись на диван, я щелкнул «лентяйкой» и убедился, что столетнего возраста информсистема, встроенная прямо в стену, сохранилась прекрасно: незамедлительно зажегся экран двухметровой диагонали, на котором высветилась заставка внутренней сети корабля. Умели предки электронику делать, завидно даже. Пульт был слегка архаичного дизайна, сейчас таких уже не найдешь, да и четкость изображения оставляла желать лучшего, а в остальном очень даже ничего. Печально было бы, если бы вся эта роскошь не

сохранилась, вряд ли щедрость флотского начальства позволила бы заменить вспомогательное оборудование в жилых боксах. Мебель новая, сразу видно – ее явно недостаточно на такую площадь. Диван, кресло, письменный стол. В спальне кровать с противоперегрузочным модулем и шкаф-купе. Необходимый минимум, как говорится. К немалому своему удивлению, в шкафу я обнаружил три комплекта егерской формы и привычные ботинки. Одна из полок была забита упаковками с бельем, здесь же нашлись мыльно-рыльные принадлежности. Неведомые интенданты не забыли даже про спортивный костюм и легкие кроссовки. Разместив в шкафу собственный багаж, наткнулся на очень нужную вещь – специальный ранец для переноски кота. Хмыкнул удивленно, сделав зарубку на память – познакомиться со снабженцем. Видать, предусмотрительный мужик, может полезным оказаться.

Поразмыслив, в общий душ я решил пока не ходить – ограничился кабинкой в санузле. Освежившись, влез в новенький мундир цвета хаки, примерил ботинки – в самый раз, разносить не придется, нахлобучил пилотку и выбрался в кают-компанию. Здесь я совершенно неожиданно наткнулся на Галю – та воевала со старинным баром, безуспешно пытаясь добыть из специального отделения кубики льда. Девушка была настолько поглощена этим занятием, что вовсе не обратила на мое появление внимания. Именно этим можно было объяснить столь странную реакцию – любая другая давно бы уже попыталась скрыться или хотя бы прикрыться чем-нибудь. Видимо, Галину жажда начала мучить в процессе приема ванны, и она отправилась за питьем, накинув сверхкороткий халатик, практически ничего не скрывавший. А зрелище завораживающее, должен признать. Особенно с учетом позы. Подавив острое желание завалить девушку на пол и овладеть ею в характерной позиции, я показал Петровичу кулак и деликатно кашлянул. Галя выронила изящный ледоруб, взвизгнула и попыталась одновременно одернуть халатик в попытке хоть немного прикрыться и сделать непроницаемое лицо. Удалось ей это, прямо скажем, не очень. Я вежливо отвел взгляд, и девушка скрылась за дверью каюты, мелькнув напоследок почти всеми прелестями – полы халатика «одно название» взметнулись от стремительного движения.

– А соседка у нас очень даже ничего, – задумчиво пробормотал я, опустившись в занятое Петровичем кресло. – Видел, какая попка?

Кот согласно заурчал и выдал совсем уж непристойную картинку.

– Но-но-но! – хмыкнул я, почесывая питомца за ухом. – Потихе на поворотах. Это ты у нас реактивный, а мне спешить некуда. Буду наслаждаться процессом.

Петрович фыркнул и подергал щекой – типа ну и дурак! Тут я с ним однозначно не согласен, однако развивать тему не стал: во-первых, бесполезно, во-вторых, уже некогда: Галя снова впорхнула в кают-компанию, на этот раз в более приличном облачении. Впрочем, облегаящий спортивный костюм позволил в полной мере оценить фигуру девушки, и отворачиваясь я, понятное дело, не спешил.

– Ой, а ты чего это в форме? – удивилась Галя, вновь склоняясь над баром.

– Вообще-то я на службе, – не сводя взгляда с упругих округлостей, отозвался я. – С восьми утра до шести вечера по корабельному времени. Так что обязан соответствовать. Ты, кстати, чем планируешь заняться?

– Спать пойду, – зевнула девушка, наполняя высокий стакан льдом. – Еще чуток в ванне полежу, и на боковую. Ты в душевую не заходи ближайший час, пожалуйста.

– А как же знакомство с коллегами?

– До завтра потерпит, – отмахнулась Галя. – И вообще, я акклиматизацию плохо переношу, лучше всего помогает здоровый сон часов этак пятнадцать. Так что завтра к утру буду в форме.

– А я, пожалуй, пойду начальство поищу...

Закончить фразу я не успел – ожил большой экран на стене, и сурового вида дядька в форме с погонами капитана первого ранга возвестил:

– Внимание экипажу! Приказываю всему персоналу, кроме дежурной вахты, оставаться в жилых блоках! Настоятельно рекомендую в ближайшие пять часов не удаляться от кают: возможны незапланированные перегрузки в связи с ходовыми испытаниями. Об изменении режима будет сообщено дополнительно. Игнорирование приказа будет караться арестом сроком до трех суток.

Дядечку сменила миловидная стюардесса – местные сетевики запустили стандартный обучающий ролик. Как пользоваться противоперегрузочным модулем, я и так прекрасно знал, а посему, обменявшись с Галей недовольными взглядами, вырубил информсистему.

– Все планы коту под хвост, – вздохнул я, проигнорировав возмущенный Петровичев мям. – Я так понимаю, мы только что видели самого капитана Яковлева. По слухам, он дядька серьезный, так что лучше сидеть в блоке.

– Я, собственно, так и хотела поступить, – рассмеялась Галя. – Если бы так в сон не клонило, с удовольствием разделила бы с вами компанию.

– Кстати, заметила – ты с нами уже минут десять болтаешь и ни разу не чихнула! – Я подхватил Петровича на руки и подошел к девушке: – Погладь кота! Ему понравится.

Галя с сомнением посмотрела на моего питомца, потом на собственную руку, но все же потянулась к нему и несмело провела ладонью по гладкой шерсти. Я представил давешнего белого котенка, и Петрович включил урчальник, одарив девушку фирменным взглядом а-ля глазастый обаяшка. Девушка улыбнулась и склонилась над котом, все более уверенно погружая пальцы в подшерсток. Пахло от нее приятно – не успевшей обсохнуть кожей и влажными волосами, и я едва сдержался, усилием воли погасив зародившееся было желание. Сволочной Петрович воспользовался случаем и послал мне самую похабную картинку из своей обширной коллекции, однако я не сплеховал и в несколько отредактированном виде отфутболил ее обратно. На сей раз главным героем был некий рыжий кот, причем выступал он в качестве пострадавшей стороны. Петрович коротко взмякнул и дернул хвостом, но с рук не прыгнул – он хоть и сволочь, но роль свою знает прекрасно: не первый раз таким макарон фемин обольщаем.

– Я спать. – Галя зевнула, деликатно прикрыв рот ладошкой, и почесала напоследок Петровича за ухом. – Завтра увидимся. Пока, мальчики! – пропела она уже от двери и скрылась в каюте.

Я бросил пилотку на журнальный столик, рухнул в кресло и хлопнул по ляжке. Петрович моментально устроился на законном месте и подставил холку.

– Все идет по плану! – провозгласил я, поглаживая напарника. – Рядовой Петрович! От лица командования выношу вам благодарность! Завтра действуем в том же духе.

Окрестности системы Росс-614,

исследовательская база «Да Винчи»,

31 июля 2537 года

Следующий день прошел в трудах и заботах. Не успел я еще толком умыться, как пришло сообщение от некоего майора Исаева с предписанием явиться к девяти часам на брифинг. Порывшись в корабельной сети, я выяснил, что данный товарищ – первый заместитель начальника экспедиции капитана первого ранга Яковлева и по совместительству командир батальона Охотников. Согласно контракту я был приписан к оному батальону и соответственно находился в прямом подчинении у майора, равно как и остальные двое Егереи. Наскоро позавтракав, я облачился в форму, сунул Петровича в ранец и отправился знакомиться с начальством. Путь пришлось проделать длинный: батальон занимал всю жилую палубу номер два, которая относительно нашей располагалась пятью уровнями ниже. Заблудиться я не мог при всем желании: за ночь мой инфор синхронизировался с корабельной сетью, так что я прекрасно ориентировался в хитросплетении коридоров и обширных залов. Тем более что львиную долю пути проделал на скоростном лифте и лишь в расположении немного поплутал, пока нашел брифинг-зал, дверь которого была украшена цифрами «209». Прибыли мы с напарником даже несколько раньше назначенного срока, но оказались одними из последних. В полупустом помещении уже разместилось полтора десятка офицеров во главе с майором Исаевым, который на мою попытку вытянуться и доложить о прибытии ответил раздраженным жестом – садись, мол. Я возражать не стал и устроился рядом с двумя парнями в хаки.

– Капитан Иванов, – сунул мне руку ближайший.

– Старший лейтенант Петров, – последовал его примеру сосед.

– Лейтенант Денисов, – хмыкнул я и плюхнул на соседний стул ранец с питомцем. – А это Петрович. Будем знакомы, коллеги!

– Что-то мне лицо твое знакомо, лейтенант, – буркнул Иванов и вдруг осклабился, рассмотрев высунувшегося из ранца Петровича: – Точно, видел я вас уже.

– Ага, вы мне тоже знакомым показались, товарищ капитан! – Я легонько хлопнул питомца по ушам, и тот послушно скрылся в ранце. – Скорее всего, на Болле виделись. Мы с Петровичем там целый год по полигонам мотались.

– Давай без чинов и на «ты», – отмахнулся Иванов. – Все свои, в конце концов. Николай.

Я повторно пожал руку капитана и представился в ответ:

– Олег. А Петрович он Петрович и есть.

– Алексей, – улыбнулся старлей и погладил неугомонного котяру.

Любопытство победило, и Петрович, несмотря на предупреждение, снова высунулся из укрытия и принялся внимательно разглядывать присутствующих. Я собрался было загнать питомца назад в ранец, но не успел: майор Исаев, видимо, решил, что все в сборе, и открыл собрание деликатным покашливанием.

– Товарищи офицеры! Приветствую вас на борту базы «Да Винчи». Нам предстоит несколько месяцев работать вместе, так что без стандартной процедуры знакомства не обойтись. Собственно, для этого я вас и собрал.

Зал отозвался сдержанным гулом: насколько я понял, большинство присутствующих представляли славный корпус Егерей и прекрасно друг друга знали, поскольку служили в одном батальоне. Разбавляли компанию трое офицеров в синей пилотской форме да мы с коллегами, выделявшиеся пятном цвета хаки на фоне стандартного охотничьего камуфляжа. Исаев поднял руку, призывая аудиторию к порядку, и перешел от общих фраз к конкретике. Больше для проформы он представил своих ротных, обделив вниманием командиров взводов, отрекомендовал прикомандированных летунов и наконец добрался до

нас. Иванов с Петровым особых эмоций не вызвали, разве что кто-то хохотнул сдавленно, а вот Петрович народ заинтересовал. Мне еле удалось отбрехаться, и то благодаря майору. Покончив с рутинной, Исаев отпустил подчиненных, а нас с коллегами попросил задержаться. Мы, понятное дело, возражать не стали, лишь пересели поближе к трибуне.

– Предлагаю не тратить время на формальности, – зашел майор издалека, – и сразу приступить к делу. Досье ваши я читал, так что давайте определимся с задачами. Вы все трое прикомандированы к моему батальону и находитесь в моем непосредственном подчинении. Задачи в боевой обстановке ставить могу только я, так что можете смело посылать любое должностное лицо, включая Яковлева... ко мне, скажем так. Через мою голову прыгать не может никто. С этим все ясно?

Мы синхронно кивнули.

– Лейтенант Денисов с напарником формально прикреплены к биологической лаборатории профессора Накамуры, а фактически, прежде чем соглашаться с требованиями ученых, вы, лейтенант, обязаны согласовать действия со мной. Это понятно? Хорошо. На довольствие все встали?

– Я не успел, товарищ майор, – отозвался я. – Меня на седьмой палубе разместили, вместе с биологами.

– Я распоряжусь насчет вас, – пообещал Исаев. – После обеда найдете в расположении прапорщика Щербу, он все решит. Оружие, боеприпасы и снаряжение получите у него же. Конечно, хорошо бы вас к нам перевести, в «двойку», но, боюсь, свободных кубриков нет, последний ваши коллеги заняли.

– Мы с Петровичем потерпим, – не стал я спорить.

– С режимом работы ознакомьтесь в расположении. Ближайшие двое суток, пока идут ходовые испытания, считайте увольнением. Дальше работаем по расписанию. Материальная база и тренировочный комплекс будут в вашем распоряжении. Вы ведь из отпуска только что? Вот как раз и придете в форму.

На этом майор посчитал разговор завершенным, и мы покинули брифинг-зал. Однако расходиться не спешили – Иванов на правах старшего по званию увлек

нас в какой-то закуток, дабы не путаться под ногами у служивых, и озвучил вертевшуюся у всех троих на языке мысль:

– Я так думаю, коллеги, обмыть знакомство не помешает. Предлагаю вечером у нас.

– Стремно, – покачал я головой. – Вы же на этой палубе квартируетесь? И начальство под боком, и личный состав смущать не хочется. Давайте лучше у меня. Там все равно одни гражданские, и с Охотниками они вряд ли пересекутся за время полета.

– Разумно, – хмыкнул Петров. – На «развлекалочку» идти бессмысленно, там еще ни одно заведение не работает. Бухло где будем брать?

– Эх, Леша, Леша, – укоризненно покачал головой Иванов, – сколько раз тебе говорить: энзэ непременно должен быть в тревожном чемодане.

– У меня мини-бар в каюте.

Коллеги смерили меня изумленными взглядами, и капитан жизнерадостно заржал:

– Вот это тебе повезло! Да и нам, если на то пошло, тоже. Может, у тебя там еще пара девчонок знакомых найдется?

– К сожалению, только одна, – вздохнул я. – И она уже занята.

– Когда успел? – поразился Петров.

– Собственно, еще не успел толком...

– Но виды имеешь, – понимающе хмыкнул Иванов. – Ладно, не претендуем. По сведениям из надежного источника, в научной части шестьдесят процентов состава – женщины. Что особенно радует, много молодых и незамужних.

– Вечером у меня, – подвел я итог беседе и попросил: – Мужики, проводите к прапору, Щерба который. Не хочу на потом дела откладывать.

– Не вопрос, пошли.

Окрестности Системы Росс-614,

исследовательская база «Да Винчи»,

1–7 августа 2537 года

Вчерашняя вечеринка удалась на славу. Покончив с малоинтересными заботами вроде общения с прапорщиком-снабженцем, я вернулся в каюту, где и встретил заспанную Галю. Та перспективу вечерних посиделок встретила с энтузиазмом и обещала принять посильное участие. Как выяснилось, в ее понимании это немного отличалось от моей интерпретации: я всего лишь рассчитывал, что она посидит с нами часок-другой, однако девушка отнеслась к задаче серьезно и зазвала в гости троих коллег женского пола и уже знакомого мне Викентия. Галины подружки оказались особами во всех отношениях приятными, так что Иванов с Петровым остались довольны. Впрочем, мне в этот вечер ничего не обломилось, да я особо и не стремился к результату. Куда спешить, собственно? Две недели безделья впереди, все вечера свободные. Вот и займусь. А потому мы больше налегали на горячительные напитки и разнообразные закуски, добытые рачительными девчонками, так что к полуночи мой мини-бар практически опустел. Вопреки ожиданиям, обошлось без последствий, только Петровича всю ночь мучила жажда после схомяченного недельного запаса стружки кальмара.

А на следующий день начались будни. Мы с напарником целыми днями пропадали на первой палубе, отведенной под тренировочную базу, и посвящали практически все свободное время тренировкам. Коллеги частенько к нам присоединялись, особенно в тире и на татами, да и гимнастическим ковром не пренебрегали, уделяя немало внимания специфическим егерским дисциплинам типа фрирана. Еще были ежедневные теоретические занятия: мы тщательно штудировали собранные рейдером данные о Находке, особенно нас интересовали флора и фауна. Как ни крути, а именно Егерям предстояло первыми ступить на поверхность планеты. Автоматические зонды не в счет.

Галя Рыжик пропадала в лаборатории. Она быстро нашла общий язык с коллегами и просто влюбилась в нового научного руководителя – профессора Накамуру. Однажды даже зазвала его к нам в блок, благо идти было недалеко. Сухонький японец неопределенного возраста и на нас с Петровичем произвел благоприятное впечатление, что радовало – все-таки наш прямой работодатель, что бы там ни говорил майор Исаев. По его задачам мы в лучшем случае первый месяц будем работать, а как суeta первых недель закончится, однозначно львиную долю времени придется ищачить на ученых. Собственно, по этой причине я и не стал форсировать развитие отношений с Галиной, а предпочел вечерами зависать в компании молодых биологов, в которой у меня вдруг обнаружился весьма неприятный конкурент. Произошло это на первых же совместных посиделках, на третьи сутки полета, когда ходовые испытания успешно завершились и комплекс вышел на разгонный курс – до точки перехода предстояло добираться почти неделю.

Этого парня я заметил сразу – высокий, широкоплечий, смазливый, но какой-то гниловатый, что ли... Не вписывался он в нашу компанию: на фоне смешливых девчонок и нескольких парней-ботаников смотрелся чужеродным элементом, как шикарный «роллс» на бесплатной стоянке у супермаркета. Наверное, этим самым «роллсом» он себя и считал, поскольку взирал на мир с постоянной брезгливой миной и общался с ребятами не то чтобы свысока, однако некое пренебрежение чувствовалось. Видно было, что пытается держаться с нами наравне, но то и дело проглядывала в нем этакая аристократическая высокомерность. Усиливала неприятное впечатление слегка оттопыренная нижняя губа – совсем чуть-чуть, едва заметно, однако эта деталь навсегда запечатлела на лице парня капризное выражение. Вместе с тем симпатичный блондинчик имел у дам успех, и не только благодаря внешности – мозгами Всевышний его тоже не обидел. В процессе общения я выявил еще одно несоответствие: острый ум скорее характеризовал его как талантливого управленца, а не как холодного аналитика или увлеченного теоретика. Таково было первое впечатление, и оно еще более усилилось из-за реакции Гали: та при виде незнакомца ощутимо вздрогнула, и я это прекрасно почувствовал, поскольку галантно вел ее под руку.

– Ты его знаешь? – шепнул я ей на ушко, но девушка лишь покачала головой, не желая вдаваться в подробности.

Парень же широко улыбнулся и направился напрямик к нам.

– Привет, Галь! – Он без всякого стеснения чмокнул ее в щеку и переключился на меня: – Королев, Евгений! С кем имею честь?

– Денисов, Олег, – в тон отозвался я. – Егерь-фелинолог, приписан к лаборатории Накамуры.

– Значит, коллеги! – расплылся в улыбке Королев, отчего я с трудом сдержал язвительную усмешку. – Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, заместитель профессора. Будем работать вместе.

– Рад, – буркнул я. – Галь, давай знакомь с остальными коллегами.

Я демонстративно увел девушку к столу, однако заместитель профессора Накамуры намек не понял и весь вечер пытался подбивать к Гале клинья. Я не препятствовал, хотя и видел ее неоднозначную реакцию, но – не на той стадии наши отношения, чтобы предъявлять на нее права. Она мне еще повода не дала по большому счету. Так что Галину я отпустил, и вечер мы провели фактически порознь: я в компании Викентия отдавал должное горячительным напиткам, а она сплетничала с подругами да с присоединившимся к ним Евгением. Петровичу этот тип, кстати, тоже не понравился, и он недвусмысленно дал понять, что готов поддержать любую каверзу, однако я запретил рыжему негодяю своевольничать. Он обиделся и устроился на коленях у Гали: дескать, сам дурака валяешь, так хоть я девушку в обиду не дам. Та про свою аллергию благополучно забыла, увлеченная разговором. Я между тем принялся наводить справки, благо отличный источник информации находился прямо под боком. Викентий и сам прекрасно видел мою заинтересованность, а потому отпираться не стал и выложил все, что знал.

Как я и предполагал, Женечка Королев оказался из породы карьеристов: его отец был шишкой в департаменте науки и курировал сектор естествознания. Сын пошел по его стопам и готовился стать научным функционером, для чего последовательно проходил все ступени карьерного роста: университет, аспирантура, а вот теперь докторская под руководством некоего профессора Равиковича, широко известного в узких кругах благодаря специфическим услугам, предоставляемым за определенную плату. Грубо говоря, Викентий прямо намекнул, что диссертацию за Женечку пишут специально обученные люди, а в экспедицию он отправился из сугубо меркантильных соображений – портфолио нарабатывать. Согласитесь, солидно звучит – участник Первой Дальней! Именно так, с большой буквы, с легкой руки досужих журналистов

стала известна наша миссия во Внутренних системах.

В последующие дни Галя несколько оживилась, но комментировать свое поведение отказалась. В дальнейших посиделках она уделяла равное внимание нам обоим, но я то и дело ловил ее странные взгляды, которые она бросала на Евгения. Однако больше ничего выяснить не удалось, поэтому я плюнул и решил вести себя естественно. А там и первая неделя закончилась.

Станция «Да Винчи» вышла к точке перехода.

## Глава 2

Там на неведомых дорожках

Окрестности системы HD 44594,

исследовательская база «Да Винчи»,

15 августа 2537 года

Неделя после прыжка прошла практически незаметно, заполненная рутиной обычного космического перелета, с поправкой на специфику крупного корабля с многочисленной смешанной командой. Как и предполагалось, «Да Винчи» вывалилась из гиперпространства довольно далеко от Системы, и остаток пути пришлось преодолевать на маршевых двигателях, к чему все были заранее готовы. Знакомый навигатор, с которым мы пересеклись на почве увлечения «рукопашкой», по секрету поведал, что кап-1 Яковлев специально задачу поставил таким образом, чтобы осталось время на предварительный анализ обстановки. Исследовательская база – корабль очень специфический, а тем более в столь почтенном возрасте. Двигатели мощностью не поражают, скорость тоже по современным меркам черепашня, поэтому нам, можно сказать, повезло: точка выхода из прыжка с учетом погрешности (да-да, маяки от неточностей на таких расстояниях не избавляли) расположилась весьма удачно. Прикинув так и этак, штурман предложил начальнику экспедиции к Системе выходить под углом к плоскости эклиптики, дабы избежать сложного маневрирования в зоне

внешних планет, пусть и с перерасходом энергоресурсов. Капитан согласился. Задача и правда была нетривиальной: планетная семья звезды HD 44594 представлена пятью объектами, три из которых – газовые гиганты сравнимых с Юпитером размеров – располагались как раз на задворках Системы на небольших расстояниях друг от друга, не более полутора астрономических единиц. Такое их размещение являлось причиной значительных гравитационных возмущений, для громады базы весьма и весьма неприятных. Группа планет-гигантов от собственно Находки – землеподобной планеты в «поясе жизни» – отстояла на пять с небольшим астрономических единиц, и между ними массивные объекты отсутствовали, что компенсировалось сразу двумя поясами астероидов. Пятая планета находилась почти у самой звезды, даже ближе, чем Меркурий к Солнцу, и интереса не представляла. У одного из газовых гигантов наличествовала целая когорта спутников, причем два достигали размеров Марса и потенциально подходили для терраформирования. С учетом предложенной штурманом траектории база пересекала плоскость эклиптики как раз между ближним поясом астероидов и Находкой, после чего еще пару стандартных суток должно было уйти на сближение с планетой и выход на геостационарную орбиту.

Собственно, сегодня как раз первый этап и закончился – база стабилизировалась в гравитационном поле Системы и вышла на траекторию сближения с Находкой, по случаю чего начальство объявило общий сбор: объединенными усилиями научной части, летунов и Егерей предстояло определить оптимальную точку высадки первой исследовательской команды. Я, как непосредственный участник этого события, в предстоящем обсуждении намеревался принять активное участие, для чего последнюю пару дней усиленно изучал спутниковые карты планеты. Впрочем, коллеги Иванов с Петровым занимались тем же – именно нам троим предстояло первыми ступить на поверхность планеты... Ах да, Петровича забыл. И только после этого будет развернут малый исследовательский комплекс и начнется первый этап освоения нового мира. Именно к такому меня готовили предыдущие семь лет, однако настроение было паршивым: я то и дело срывался на самокопание и самобичевание, плавно переходящие в самосуд. Блин, не слишком ли много этих самых «само»? Впрочем, причина была объективной: не далее как вчера вечером я крупно повздорил с Женечкой Королевым.

А началась эта история третьего дня с вечернего разговора с Галей. Та, против обыкновения, не отправилась сплетничать с подружками, а составила компанию нам с Петровичем. Вообще, всю неделю после прыжка вела она себя довольно странно – вроде и сближаться не давала, но и не отталкивала окончательно, с

удовольствием болтая со мной на отвлеченные темы. Один раз даже затащила на посиделки, но в смешливой компании я оказался предоставлен самому себе, пока не появился Викентий. Он-то меня и просветил насчет Галины: как оказалось, она уже несколько вечеров кряду охаживала того молодого и перспективного биолога по имени Евгений. Впрочем, я и сам все прекрасно видел, а потому весьма удивился, когда через пару дней она внезапно осталась вечером в блоке и принялась изливаться душой. По ее словам выходило, что Королева она знала еще по университету – тот учился тремя курсами старше и уже тогда считался завидной партией. Не обделенный девичьим вниманием, на ухищрения молоденькой первокурсницы Евгений никак не реагировал, чем только распалял ее. Закончилось все это тем, что Галя едва не попала из-за неразделенной любви в больницу. Примерно тогда она решила не размениваться на такие мелочи, как любовь и грязные самцы, и начала использовать нашего брата по прямому назначению – то есть превратилась в обычную стерву. К пятому курсу она стервозностью благополучно переболела и немного остепенилась, но и по сей день случались рецидивы – наше с ней знакомство тому пример. Сейчас же забытые чувства вспыхнули в ней с новой силой. Она пыталась сопротивляться, ибо гордость не позволяла стелиться перед мужиками, но влечение было сильнее.

Признаться, выслушивать все эти бредни мне было не очень-то приятно. Мало того что я и сам имел на Галю виды, так еще и прекрасно понимал подноготную ситуации: не в любви тут было дело, а в элементарном желании доказать, что она тоже не лыком шита. Попытки оправдаться чувствами и гордостью выглядели со стороны нелепо – типичная ситуация из дешевой молодежной комедии: вот назло всем соблазну самого видного парня! Однако больше меня беспокоил тот факт, что я перешел из разряда «неплохого варианта» в разряд подружки, которой не грех поплакаться в жилетку. Обуреваемый противоречивыми чувствами, в тот вечер я свел все в шутку, вовремя сместив Галино внимание на Петровича. Как я и предполагал, мнимую аллергию как рукой сняло, и мой питомец с девушкой подружился, чего за ним давненько не наблюдалось.

А вчера ситуация получила не самое приятное развитие. Я занимался в общем тренажерном зале седьмой палубы и сам не заметил, как остался в компании Королева. Всю тренировку Галя вертелась возле него: у них по плану была анаэробная нагрузка, и девушка крутила педали велотренажера рядом с Женечкой, наматывавшим километры на беговой дорожке. Наверное, я немного ослабил самоконтроль, потому что Королев заметил взгляды, которыми я одаривал Галю – та в облегчающих велосипедках и легкомысленном топике

выглядела весьма аппетитно.

– Нравится? – без предисловий хмыкнул Евгений, кивком указав на велотренажер. Галя уже упорхнула в душ, но я его прекрасно понял. – Согласен, соблазнительная цыпа. А я ведь ее в универе не замечал. Вернее, мне на нее плевать было, и других хватало.

– Ты это вообще к чему? – прикинулся я простаком.

Не люблю, когда люди мое личное пространство нарушают, а Евгений как раз пересек границу: я сидел на скамейке у стойки со штангой, а он остановился буквально в шаге, набросив на шею полотенце. Футболка его пропиталась потом, светлые волосы слиплись, но уставшим он не выглядел.

– Я же вижу, что она тебе нравится, – ухмыльнулся биолог. – Не парься, будет и на твоей улице праздник.

Я с трудом сохранил нейтральное выражение лица и задумчиво проронил:

– А у нее это серьезно. Не боишься последствий?

– Какие, на хрен, последствия! – беззаботно махнул рукой Женечка. – Поматросил, как говорится, и бросил. Через месяц-другой тебе достанется, не переживай!..

Хрясь! Мой кулак с размаху впечатался в челюсть биолога, опрокинув того на пол. Я и сам не заметил, как успел вскочить и от души оприходовать парня: только что сидел на скамейке, медленно закипая, и вот уже стою на ногах над поверженным противником, тупо уставившись на рассаженную костяшку. Королев был ошеломлен не меньше – непонимающе вертел головой в попытке сфокусировать взгляд. Видимо, он не верил происходящему: как это так, какой-то худосочный дрищ сбил его, такого большого и сильного, с ног? Да как он посмел?! Женечка глухо рыкнул и ринулся на меня, ловко вскочив с пола. Однако я уже оправился от потрясения и встретил его новым ударом, на этот раз точно рассчитанным: правой в солнечное сплетение. Вертикальный кулак жестко врезался в мускулистый торс, но я вложил массу и энергию встречного движения и легко пробил мышечный каркас. На рефлексе занес бедро, выводя правую ногу на хай-кик, но в последнее мгновение остановился – хватит с него.

Парень согнулся, хватая ртом воздух, а я поспешил убраться из спортзала: не хватало еще в полноценную драку ввязаться. Чтобы выстоять против такого бегемота, придется всерьез выложиться. В этом случае тяжких телесных не избежать, а мне лишние неприятности ни к чему.

Вернувшись в собственную каюту, я забрался в душ, где проторчал, против обыкновения, почти четверть часа. Настроение было паршивое. Не столько из-за Женечки (мразь она мразь и есть, в любых условиях), сколько из-за того, что потерял над собой контроль. И это совершенно точно, без дураков. Первый удар был неосознанным, а потому на редкость непрофессиональным: я просто дал человеку в морду с намерением его унизить. Не вырубить, не обезвредить на какое-то время, а именно для того, чтобы продемонстрировать свое отношение к происходящему. Это потом я его встретил осознанно, с максимальной эффективностью при минимальных последствиях для здоровья. Обидно все-таки и за себя, и за Галю. Плюс еще толика злости на глупую и стервозную девчонку. Да, еще про уязвленную гордость забыл. Короче, полный набор. Постояв напоследок под холодными струями, я приказал себе забыть о происшествии и вышел из душа.

На этом мои неприятности не закончились. Где-то через час я ухитрился нарваться в кают-компании на Галю, и та обдала меня такой волной презрения, что мне стало не по себе. Вот умеют же бабы так одним взглядом приложить, что потом себя ощущаешь как минимум помойным ведром. Она не сказала ни слова, но дверью хлопнула громко – не знаю, по какой причине, но древние проектировщики отказались в жилых помещениях от сдвижных вбок створок. Я же выматерился про себя и ушел спать. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: девушка на выходе из душа столкнулась с невинно пострадавшим Женечкой и все поняла – все-таки не дура. И плевать ей на причины, ведь я покусился на объект ее желания, а посему не достоин жить с ней на одной планете. Тьфу, мать ее! Хрен с ней, пускай сама разбирается. Прибежит потом в жилетку плакаться, да поздно будет – пошлю далеко и надолго. Или не пошлю? А вот работать вместе все равно придется, посему проблем не избежать.

Нынешний день облегчения не принес – на душе было пакостно, так и тянуло нырнуть в бар. Однако я пересилил себя, чему в немалой степени способствовал приказ явиться на расширенный брифинг. Собственно, сейчас я как раз подходил к конференц-залу на четвертой палубе, но особой суеты в коридоре не наблюдал. В самом зале обстановка тоже не вызывала беспокойства – успевшие прибыть раньше коллеги чинно расселись за огромным столом, однако кап-1

Яковлев пока отсутствовал. Я присел рядом с коллегами-Егерями, пожал им руки и осведомился:

– Я ничего не пропустил?

– Расслабься, – хмыкнул Коля Иванов. – Сейчас главный подойдет, тогда и начнется мозготраханье.

– Ага, пока что даже Исаева нет, – подтвердил Леха Петров. – И Вяземский где-то ходит.

Знаменитый на всю Федерацию ксенобиолог Родион Ефимович Вяземский возглавлял научную часть экспедиции, даже мой номинальный начальник, профессор Накамура, находился у него в подчинении. Я окинул заинтересованным взглядом стол. Действительно, главных действующих лиц не наблюдаю, в основном смутно знакомые руководители среднего звена, и военные, и гражданские. Вон Накамура как раз на противоположном конце стола устроился рядом с такими же, как он, биологами. Знакомый навигатор в компании штурмана, кап-2 Терещенко, рядом парни из батальона – трое ротных и зампотыл. Кто-то от летунов, на погонах по два просвета и две больших звезды. Ученых, конечно, поболее, чем нашего брата. Экспедиция у нас комплексная, так что тут каждой твари по паре: и биологи, и геологи, и планетологи, и... Да кого только нет, короче.

Дверь утонула в переборке, и мы поспешно вскочили, приветствуя появившееся наконец начальство. Капитан первого ранга Яковлев ответил стандартным «здравия желаю, товарищи офицеры!» и кивком разрешил садиться. Личный состав принялся греметь стульями, а Яковлев в компании с Вяземским и Исаевым заняли места во главе стола.

– Итак, господа, – взял слово начальник экспедиции, – сегодня мы собрались, чтобы обсудить несколько важных вопросов. Повестка дня у вас на мониторах, прошу ознакомиться. Предлагаю следующий регламент: прежде всего определимся с основными задачами первого этапа работы в Системе. Основной вопрос – место высадки передовой разведгруппы. Затем пробежимся по графику работы экспедиции в целом и перейдем к частным вопросам, но их мы уже обсудим в узком кругу ответственных лиц. Возражения? Возражений нет. Переходим к первому пункту повестки дня. Родион Ефимович, прошу вас.

– Кхе-кхе, – прочистил горло ученый. – Уважаемые коллеги, вы, несомненно, уже изучили имеющиеся материалы, поэтому вдаваться в подробности не буду. С требованиями научной части все ознакомились, так что обойдусь тезисами. Как всем известно, Находка – характерная планета земного типа, именно этим она и ценна. Тем более приятно, что по таким параметрам, как климатические условия, сила тяжести и длительность суток, она отличается от нашего материнского мира очень незначительно. Единственное важное несоответствие – вместо спутника у планеты имеется пылевое кольцо, как у Сатурна. Видимо, в далеком прошлом местная луна по какой-то причине была разрушена, и из ее обломков оно и образовалось. В связи с этим метеоритная опасность несколько выше, чем на Земле, однако все сколько-нибудь крупные обломки давно уже рухнули на поверхность Находки, а оставшиеся всего лишь вызывают частые метеоритные дожди. Общий фон весьма благоприятный – на планете имеются высокоразвитые белковые формы жизни, достаточно воды и есть озоновый слой, предохраняющий поверхность от действия жесткого излучения звезды. Атмосфера идеально подходит для человека, по составу отличается от земной незначительно. Вредных примесей в местном воздухе не содержится. Микрофлора умеренно агрессивная, ничего такого, с чем не справится универсальный антидот. Самых больших неприятностей можно ожидать от фауны: первичное сканирование было весьма поверхностным, мы не получили и сотой доли необходимой информации. Посему наибольшее значение будет иметь мнение уважаемых представителей корпуса Егерей – именно им придется столкнуться с агрессивными животными, буде таковые обнаружатся. Со своей стороны могу высказать лишь одно пожелание: наибольший интерес для представителей естественных наук будет иметь, несомненно, экваториальный пояс.

– Спасибо, Родион Ефимович, мы вас поняли, – поблагодарил оратора Яковлев. – Иван Викторович, вам слово.

Командир летунов поднялся со своего места и высказался предельно кратко:

– Мы проанализировали метеообстановку за последние полгода. Трудностей высадка не представит. Обеспечим доставку грузов и персонала в любую точку планеты в кратчайшие сроки.

Яковлев кивнул, сделал пометку в архаичном блокноте.

– В таком случае, коллеги, послушаем главных заинтересованных лиц. Прошу вас, Андрей Михайлович.

Майор Исаев обошелся буквально парой слов:

– Предлагаю дать слово командиру разведгруппы капитану Иванову.

Николай поднялся как по команде и принялся бодро излагать наши общие соображения:

– Уважаемые коллеги! Мы тщательнейшим образом проанализировали всю доступную информацию и пришли к следующему выводу: первую высадку следует осуществить в умеренных широтах Южного полушария. Там сейчас начало лета и сюрпризы от погоды маловероятны. Таким образом, мы сразу же исключим влияние экстремальных условий окружающей среды. В качестве конкретной точки высадки мы предлагаем вот этот полуостров, обратите внимание на отметку.

Я прекрасно представлял обстановку – недаром мы с ребятами несколько часов кряду просидели над спутниковыми картами, – но все равно на автомате скосил глаза на дисплей с объемной моделью Находки. Повинуясь манипуляциям капитана, камера нырнула из верхних слоев атмосферы ближе к поверхности, шар планеты повернулся на несколько градусов, и объектив сфокусировался на северной оконечности небольшого материка, скорее даже огромного острова вроде земной Австралии. В этом месте береговую линию рассек глубокий и узкий залив, отделивший от основного массива довольно широкую полосу земли, километров сто в поперечнике.

– На наш взгляд, место для первой высадки просто идеальное, – продолжил Иванов. – Климат тут должен быть приморского типа, что не исключает штормов и ураганов, поэтому базу расположим в глубине полуострова. Дождь и грозу легко переживем. Зато не будет проблем с обеспечением базы: это лесостепная зона, здесь большое количество рек и озер, а флора и фауна куда более приветлива, чем в тропических джунглях. Вместе с тем она даст хорошее общее представление о планете. Не мне объяснять ученым принцип аналогии. С точки зрения обеспечения безопасности тоже сплошные плюсы: окружим базу стандартной «Оградой», активируем «купол» – на первое время будет достаточно. Вместе с тем из этой точки легко добраться до побережья, что тоже

плюс – гидрологи и морские биологи будут довольны. А дальше, как говорится, будет видно. Рекомендации для размещения основного комплекса дадим после первичного обследования планеты, то есть не раньше чем через неделю после высадки. У меня все.

– Спасибо, – кивнул Яковлев. – Уважаемые коллеги, возражения будут?

Возражения конечно же нашлись. В основном недовольство выражали ученые, что для нас сюрпризом не стало. Еще битых полчаса эта братия переливала из пустого в порожнее, но все их претензии разбивались о несокрушимые утесы высказанных Ивановым резонов. В конце концов Яковлеву этот балаган надоел, и он поставил в споре точку.

– С этим вопросом определились. Возражения по существу будут? – выделил кап-1 ключевое слово, однако ответа не последовало, и он резюмировал: – Тогда небольшой перерыв, и перейдем к остальным пунктам повестки дня. Не задействованные в дальнейшей работе коллеги могут быть свободны.

Дождавшись, когда начальник экспедиции подаст пример, мы с парнями поспешили покинуть конференц-зал. Против ожидания, управились достаточно быстро. Ничего удивительного: летунам по барабану, ученым по большому счету тоже. Они чисто из принципа выступали, а еще из любви к искусству. В основном нам отдуваться да отделению Охотников, что пойдет в усилении. В первой высадке ни один научник не участвует, обойдемся своими силами. Вот когда будут обсуждать место для основного комплекса, дискуссия затянется надолго.

Система HD 44594,

исследовательская база «Да Винчи»,

17 августа 2537 года

За двое суток, что прошли с памятной говорильни, обозначенной в официальных бумагах как «расширенный брифинг», громада базы преодолела отделявшее точку ее выхода в плоскость эклиптики от Находки расстояние и сейчас вращалась вокруг планеты с периодичностью сорок часов, медленно и

тщательно сканируя поверхность. Стая юрких спутников и автономных зондов уже покинула трюмы, и накопители центрального вычислителя буквально пухли от обилия новой информации. Нам же с коллегами в течение ближайшей пары часов предстояло осуществить первую в истории высадку на планету. Событие отнюдь не рядовое, а потому требовавшее тщательной подготовки. Оружие и снаряжение, за исключением коннектора, хранилось в специально для того предназначенном боксе на второй палубе. Отвечал за это хозяйство тот самый прапорщик Щерба, к которому меня направил при первой встрече майор Исаев.

До последнего момента мы с коллегами торчали в резервном командном пункте Исаева, который располагался, как нетрудно догадаться, в непосредственной близости от занятой Охотниками палубы. КП был оборудован по последнему слову техники, так что работали мы в комфортных условиях: один из автономных зондов завис непосредственно над районом выброски, и коллега Иванов гонял по гигантскому монитору фотографии в высоком разрешении. Мичман Мохов, командир спускаемого модуля, сидел в сторонке и в процесс не вмешивался – и без него мозги кипели. Петрович ошивался рядом, то и дело отвлекая меня картинками разнообразных каверз в отношении летуна, но я лишь отмахивался. В конце концов он обиделся и устроился на коленях у мичмана, включив урчальник. Однако время поджимало, и мы, так и не остановившись на каком-то одном варианте, отправились во владения прапорщика Щербы. Капитан Иванов справедливо рассудил, что на месте будет виднее, и ограничился всего лишь десятком возможных точек высадки, одарив Мохова распечаткой и перегнав файл на терминал навигатора из экипажа мичмана.

В «лабазе», как окрестил острый на язык Леха Петров оружейный бокс, долго не задержались: дело свое прапор знал крепко и снаряжение держал в образцовом порядке. Искусство влезать в скафандр за установленное нормативом время я изучал в академии пять лет, так что трудностей с этим делом не возникло. Избавившись от повседневной формы, я надел термобелье, не забыв про носки, и с некоторым трудом натянул плотно сидящие брюки из усиленной ткани с защитными вставками из прочного пластика. Сунул ноги в сапоги, провел ладонью по голенищам, зарастив швы. Как показала многолетняя практика, такая обувь в нашем случае гораздо практичнее ботинок: если что, и голеностоп зафиксирует, предохраняя от вывиха, и штанины за всякие ветки-колючки цепляться не будут. Именно по этой причине егерский полевой скафандр плотно облегает тело – нам силуэт размывать не надо, как десантуре, и мешковатые комбезы в нашей работе не приветствуются. Попрыгал, присел – нормально, портки движений не стесняют, ибо изготовлены из весьма эластичного материала. Не откладывая на потом, извлек из кейса коннектор и с негромким

щелчком вогнал его в специальные пазы шлема. У коллег таких приبلуд не было по вполне понятной причине. Облачился в куртку, натянул перчатки и стал похож на футуристического рыцаря или гонщика-скутериста в защите: в отличие от тех же десантных скафандров наше снаряжение было очень легким, в первую очередь за счет использования пластиковых броневого вставок, защищавших уязвимые места. Наколенники и налокотники также были интегрированы в костюм, равно как и небольшие плечевые накладки, которые вкупе с поясом и жгутами псевдомышц в ткани образовывали экзоскелет. У нас задачи иные, нам от пуля защита не нужна, а для зверей и пластика хватит – ни одни когти его не возьмут, разве что из спецсплава. Но такие только у людей бывают в виде разнообразного клинкового оружия. Кстати о птичках. Егеря не битюг-тяжеловоз, а потому оружия минимум – на левом бедре тесак-мачете из серии «все в одном», на правом – стандартный АПС-17 в кобуре с парой запасных магазинов, на груди наискось рукояткой вниз боевой нож – это мой вариант, а вообще каждый исходит из соображений удобства. Иванов вон ножны на пояс повесил. На спину дейпак с необходимым минимумом, магазины в нагрудные карманы, штуцер на плечо – вроде готов. Ухмыльнулся при виде напарников: покрытие-хамелеон в скучном боксе не работало, и бронепластины отчетливо выделялись на фоне почти черной ткани, превращая нас в этаких кощеев бессмертных с костями наружу. Ничего, как в поле выйдем, всеми цветами радуги будем переливаться в зависимости от окружения. Петрович обзавидует.

Облачившись в скафандры, направились на стартовую палубу, что лежала десятком уровней выше. Лифт неспешно вознес нас почти на полкилометра вверх и выпустил в просторный зал, по которому сновали электрические погрузчики и озабоченные матросы, каковых на гражданских судах принято было величать «менеджерами по внутренним перемещениям грузов». Несколько пришибленный масштабами Петрович не отставал ни на шаг, и к модулю мы подошли тесной кучкой. Здесь нас уже ждали: у гостеприимно распахнутого люка толпились ребята из батальона под командованием кряжистого сержанта средних лет, за которыми присматривал второй навигатор. При виде нас он вытянулся во фронт и объявил, что корабль готов к десантированию и мы можем размещаться в десантном отсеке. Коля Иванов, назначенный командиром группы, коротко кивнул, и мы дружно втянулись в шлюз. Петровича я на всякий пожарный взял на руки.

Внутри оказалось неожиданно тесно – места на всех хватило впритык. Навигатор при виде наших вытянувшихся физиономий хмыкнул и пояснил, что сейчас мы разместимся в катере, который будет тянуть за собой кокон собственно

спускаемого модуля, при разворачивании на поверхности планеты теряющего мобильность. А сама «тройка» – имен собственных столь крошечные посудины не имели, только бортовой номер – в любой момент сможет отстыковаться и выйти на орбиту либо действовать как атмосферный воздушный транспорт. Собственно, в нашем недоумении нет ничего удивительного – учитывая возраст базы. В настоящее время в качестве спускаемых аппаратов чаще всего использовались эксплорер-боты – стометровые сигары либо соответствующих размеров диски, а они, как ни крути, были полноценными кораблями. Обострению приступа клаустрофобии способствовали и коллеги-Охотники – по сравнению с нами они выглядели настоящими медведями, едва умещавшимися в противоперегрузочных креслах.

Шлем я пока надевать не стал, потому позвал питомца жестом. Петрович дисциплинированно запрыгнул ко мне на колени, я извлек из кармана приемо-передающий модуль причудливой формы и закрепил на голове напарника. Тот к процедуре был привычен и не сопротивлялся. С ажурным ободом на башке кот вид имел забавный, но то ли еще будет, когда я на него респиратор нацеплю! В нашем деле закон железный: пока не удостоверишься, что дышать можно и ничего тебе за это не будет, ходи в дыхательной маске.

Согнав Петровича на соседнее кресло – единственное остававшееся свободным, я поудобнее разместил между колен штуцер. Между прочим, настоящий «меркель», такими только Егерей вооружают. Легкий и относительно компактный, приклад с гидрокомпенсатором, но это стандарт в наше время, электронная система наведения. У ребят из батальона стволы попроще и подешевле. А вот мы с коллегами щеголяем комбинированными двуствольными штуцерами производства всемирно известной фирмы, ведущей свою историю с девятнадцатого века. Не хочу хвастать, но в родительском доме в гостиной на стене висит пращуровский «меркель» выпуска девяностых годов двадцатого века – в дорогом исполнении, с ложей из натурального ореха. Еще пороховой, между прочим. Отец рассказывал, что слобой этот принадлежал Савве Денисову, знаменитому охотнику, чуть ли не основателю нашего рода. Вот такая семейная реликвия. Мой штуцер совсем не эксклюзив, но тоже любопытный образец оружейного искусства: верхний ствол под унитар 5,45x20, магазин в пистолетной рукоятке, нижний – уже куда серьезней, двенадцать с половиной на шестьдесят. Питание из десятизарядного коробчатого магазина. Оба модуля – полуавтоматы, для крупнокалиберного предусмотрен автоматический режим с отсечкой по два выстрела. Очень удобно, особенно если магазин снарядить УОДами с уэсками через один: любого слона такой гостинец завалит – первым выстрелом остановит и ошеломит ударом, вторым прошьет насквозь.

Пока я пытался устроиться в кресле с максимально возможным комфортом, обосновавшийся в пилотской кабине Мохов объявил по громкой связи:

– Внимание экипажу! Старт через три минуты! Не забудьте пристегнуть ремни!

Наплевав на удобство, я нагнулся над Петровичем, направил ему успокаивающий импульс и представил кота, распятого на спинке кресла вроде человека со знаменитого рисунка Леонардо да Винчи. Питомец недовольно фыркнул, но распластался на сиденье, буквально растекшись по нему. Я перетянул напарника парой ремней, отрегулировал длину – все, теперь никакое ускорение не страшно. Помнится, в самый первый раз, когда мы отрабатывали высадку на тренажере, Петрович возмутился и отказался пристегиваться. Полученный на тренировке опыт намертво въелся в память, и впредь он мерами безопасности не пренебрегал. Позабывшись таким образом о верном товарище, я и сам поспешил пристегнуться, тем более что динамики прохрипели голосом вредного мичмана что-то вроде «до старта тридцать секунд, даю обратный отсчет». Под мерное бухтение Мохова расслабиться не получалось, я инстинктивно ждал удара ускорения в момент срабатывания катапульты и вжимался в кресло – вот такая у меня дурацкая реакция на старт любого корабля. Что характерно, дождался. Сначала, правда, космокатер плавно переместился куда-то вниз и с шипением пневмопривода состыковался непосредственно со спускаемым модулем, и только потом диспетчер привел в действие катапульту. Как всегда, перегрузка навалилась совершенно неожиданно – от мощного пинка магнитного поля связка «катер – модуль» выскочила из стыковочного узла, как пробка из шампанского. Несколько мгновений было тяжело дышать, потом наш кораблик достаточно удалился от пятикилометрового яйца базы, и Мохов врубил маршевые движки, предварительно кратким импульсом тормозных дюз сбросив скорость до приемлемой. Гравикомпенсатор заработал на полную мощность, так что теперь перегрузки можно было не бояться, хоть модуль и несли к планете, разгоняясь с каждой секундой. Вот минут через двадцать, когда мы войдем в верхние слои атмосферы и начнется торможение, может и приложить нехило, если пилот хоть немного ошибется с траекторией. В принципе это будет самый опасный момент: если что и случится, то именно в этой фазе полета, и тут нас не спасет даже чудо, просто сгорим в атмосфере. Именно поэтому, да еще из чувства солидарности с питомцем, я пренебрег требованиями техники безопасности и скафандр не герметизировал, поленившись нахлобучить шлем. Пусть Петрович видит, что я разделяю с ним все тяготы и опасности: для котов герметичный скафандр не предусматривался даже в проекте, потому как работать им

приходилось лишь на планетах с благоприятными для белковых организмов условиями. Оно и понятно, хрен ли толку от их обостренных чувств, если они изолированы от окружающей среды? Так что не бывать нам с Петровичем на Марсе. Вернее, побывать-то можно, сунул кота в герметичный контейнер – и гуляй сколько влезет. А вот по профессиональным делам нам такая роскошь не светит.

Между тем модуль проскочил безвоздушное пространство и раскаляющимся с каждой секундой болидом углубился в атмосферу. Тут уже пришлось шлем натянуть – капитан Иванов недвусмысленно приказал. Мой вычислитель сразу же синхронизировался с корабельным «мозгом» и выдал на забрало живописную картинку: прямо под нами громоздились молочно-белые облака, чуть искаженные слоем раскаленного воздуха. Судя по вполне умеренной вибрации корпуса, траекторию Мохов выбрал удачную, так что преждевременная встреча с ангелами нам не грозила. Петрович требовательно мяукнул, и я поспешил активировать видеоинтерфейс. Из ажурного обруча над его левым глазом выдвинулся прозрачный мини-дисплей с картиной облачного неба. Мысленным приказом я свернул изображение и переместил иконку в верхний левый угол забрала. Теперь у меня перед глазами вместо панорамы кипенно-белых облаков предстало внутреннее убранство десантного отсека и длинный ряд пиктограмм по нижнему срезу экрана. Скрутив правой рукой фигу, я активировал виртуальное рабочее пространство. Помнится, инструктор, побитый жизнью майор Мандрик, долго ржал, когда я впервые использовал подобный жест-ключ. Собственно, на реакцию окружающих чихать, главное, что мне не напряжно. На дисплее появился стандартный курсор, реагирующий на еле заметные движения пальцев, – довольно удобно, и приноровиться к такому типу управления несравненно проще, чем использовать мысленные команды: даже тщательнейшим образом настроенный вычислитель реагирует лишь на ограниченное количество таких мыслей-приказов, к тому же в процессе не рекомендуется отвлекаться. Лично для меня проще пальцами дергать, возя курсором по дисплею. Понятно, что без перчаток ничего из этого не выйдет. А вот в боевой обстановке «думалка» конечно же удобнее, но там и команды используются вбитые в подкорку и предельно краткие: «цель», «траектория», «сила», «прыжок»... Фактически вот и весь список.

Двойным кликом развернув миниатюрное окошко с панорамой набегающей планеты – пусть висит, в обстановке ориентироваться помогает, – я вызвал на дисплей интерфейс коннектора и запустил стандартный тест. В бытность нашу в егерской учебке мы с Петровичем остановились на голосовом управлении, и теперь пришлось отключить внешние динамики, чтобы соседей не беспокоить.

Картинка со встроенной в кошачий ППМ камеры шла исправно, и я разместил второе миниатюрное окошко рядом с первым. Затем принялся вслух произносить команды, наблюдая за Петровичем. Начал с простейших, типа «направо-налево». Удовлетворенно хмыкнул, дождавшись поворотов кошачьей головы. Если разобраться, вся эта хитрая машинерия функционировала на довольно простом принципе: во время длительных тренировок мы с партнером нарабатывали так называемые якоря: связки «слово – образ» с моей стороны, и «образ – слово» со стороны Петровича. Второе было труднее, так как требовало совместных усилий: кот передавал картинку, я в это время ее расшифровывал и преобразовывал в одно-единственное определение, которое и запоминал вычислитель коннектора. Самым сложным было наработать постоянство «якорей», чтобы определенному слову соответствовала пускай и не статичная, но обладающая хотя бы пятидесятипроцентной идентичностью картинка. Для Петровича это вообще был адский труд: как я уже упоминал, коты-интеллектуалы с абстрактными понятиями не дружили. Зато через год совместных усилий мы стали обладателями весьма обширного «словаря» и могли вполне осмысленно общаться, пускай и предельно короткими рублеными фразами. Выглядело это примерно так: я произносил вслух, допустим, команду «направо», при этом вычислитель передавал Петровичу образ сворачивающего в нужную сторону кота, и тот повторял маневр. Простейшая фраза «Петрович, беги быстрее направо» выглядела серией следующих образов: легко узнаваемая рыжая морда, бегущий кот, кот ускоряющийся, кот, сворачивающий направо. Со стороны напарника подобной четкости мысли добиться было несравненно труднее, а потому и «речь» его воспринималась зачастую куда сложнее. Во многих случаях проще было камеру подключить или напрямую образы воспринимать, без слов.

Время до посадки еще было, вибрация мешала не сильно, так что я принялся развлекаться, заставляя кота вертеть головой и дергать лапами. Терпения у Петровича надолго не хватило, и он принялся раздраженно колотить хвостом по креслу. Когда он уже почти дошел до белого каления, я хмыкнул и отчетливо произнес:

– Киса хочет!

Петрович дернулся, обшарил десантный отсек похотливым взглядом, однако вожаемой кошечки, одолеваемой охотой, не обнаружил. Зыркнул на меня обиженно, и динамики выдали тягучим синтезированным тенором:

– Дуррррак.

В арсенале напарника имелось всего лишь два ругательных слова, но зато на все случаи жизни: вот это самое «дуррррак», когда Петрович сравнивал обзываемого с глупым как пробка вислоухим шотландцем по кличке Вискарь, и «мляу», что соответствовало широко известному короткому восклицанию, которое мой питомец использовал во всех остальных ситуациях. Как правило, этот мыслеобраз он сопровождал презрительным либо возбужденным фырканьем.

– Денисов, хорош дурака валять! – вернул меня на грешную землю Иванов. – Присоединяйся, сейчас будем точку посадки выбирать.

Действительно, спускаемый модуль уже добрался до нижних слоев атмосферы и сбросил скорость до минимума, на высоте пара тысяч метров заложив первый круг над предполагаемой зоной приземления. Противная вибрация исчезла, и, если бы не картинка с обзорных камер, я бы не смог сказать, движемся мы или застыли на месте. Еще немного, и очередной новый мир падет к ногам человека, хе-хе...

Система HD 44594, планета Находка,

17 августа 2537 года

Сразу определиться с оптимальным местом для будущей исследовательской станции не удалось. Мы минут двадцать метались между тремя равноценными вариантами – круглой полянкой в хорошем таком лесном массивчике, обширной проплешиной в полусотне километров от нее и озером, притулившимся на стыке небольшой скальной гряды, рощи и поля. Все же остановились на последнем. Заждавшийся нашего решения Мохов запустил зонд, и тот воткнулся в почву как раз в центре удобной площадки, на равном расстоянии от воды, скал и деревьев. Потом еще минут двадцать «тройка» нарезала круги, пока бортовой «мозг» обрабатывал результаты телеметрии. По истечении этого времени вычислитель выдал добро на посадку, и мичман осторожно вывел модуль точно по зонду-реперу. Тридцатиметровый блин завис над полянкой на антигравитационной тяге, раструбы «микроволновок» на днище развернулись к земле, и верхний слой почвы прямо под нами пронизало жесткое излучение. Пяти секунд такой

обработки хватило, чтобы прожарить ее почти на метр вглубь. Все организмы, попавшие под раздачу, вскипели изнутри и полопались, разлетевшись ошметками. С высоты, да еще в камеру, этого видно не было, но я и так прекрасно представлял, что там творилось. А что делать – стандартная процедура. Обезопасив таким образом посадочную площадку, модуль на антиграве опустился в центр перепаханного микровзрывами пятна. Впрочем, толчок мы почувствовали на несколько секунд позже, когда мичман отключил гравикомпенсатор. Сила тяжести на планете была на еле различимую величину выше стандартной  $g$ . Ага, так и есть – 9,83. С учетом того, что на борту обычно поддерживалась более комфортная девятка, переход получился заметным. Немного погода ожили динамики громкой связи:

– Внимание экипажу! Посадка прошла в штатном режиме. Запускаем протокол безопасности два-а. Готовность пятнадцать минут.

Ага, это уже для нас информация. Охотники пока могут расслабиться, им еще не скоро предстоит приступить к непосредственным обязанностям, а вот мы с коллегами не далее чем через четверть часа займемся делом. Протокол безопасности 2А означал всего лишь, что утвердившийся на поверхности планеты спускаемый модуль сейчас ошетинился по периметру пятнадцатиметровыми телескопическими штангами со штырями разрядников на концах, которые образовали стандартный энергетический барьер типа «Забор». От стационарного комплекса «Ограда» он отличался лишь способом подвода энергии: питался от корабельного реактора, а потому позволял получить весьма мощную энергетическую завесу, вплоть до силового поля, как в данный момент. Через несколько часов, если окружающая среда будет сочтена достаточно безопасной, Мохов мощность поля снизит, и оно начнет пропускать материальные объекты, реагируя лишь на организмы определенных размеров и массы. И ни одна зверюга крупнее кошки в периметр не проскользнет, не получив предварительно разряд в десяток киловольт. Высота энергетического барьера составляла ровно два метра: как показал опыт, этого было вполне достаточно – как правило, выше только птицы летали да насекомые некоторые. От них же защищал второй контур – тонкая сеть из энергопроводов с метровыми ячейками. Непосредственно после разворачивания «Забора» на самом горбу спускаемого модуля вырастала тумба метателя, который выплевывал гроздь острых штырей, тянущих за собой нити энергопроводов. Те втыкались в почву за пределами периметра, сетка натягивалась и образовывала над кораблем купол на манер паутины. Ячейки заращивались силовым полем малой напряженности, не требующим значительных энергозатрат, и в распоряжении исследователей оказывалась хорошо защищенная от внешней среды крепость. Само собой, в

сети имелось целых два прохода: первый для легкой техники, второй же был рассчитан на космокатер. Вообще-то куда проще было окружить стоянку куполом силового поля, как все нормальные десантники и прочие военные и поступали, но тут был один нюанс: дяди в погонах пользовали активную защиту, то есть поле генерировалось буквально на доли секунды, дабы отразить смертоносный подарочек. Для его функционирования в пассивном режиме, когда объект окружен силовым куполом постоянно, требовалась чертова прорва энергии. Энерговооруженности спускаемого модуля хватило бы примерно на час с небольшим, а потом кукуй как хочешь. К тому же энергопотребление находилось в прямой зависимости от величины купола – чем больше площадь, тем соответственно выше прожорливость. В наших условиях активное поле не прокатывало, по крайней мере, на начальном этапе, вот и приходилось замораживаться со всякими «плетнями» да «тынами». Шучу, конечно.

Однако пора готовиться к выходу – Коля Иванов уже выпростался из кресла и на правах командира группы втолковывал что-то сержанту-Охотнику. Леха Петров мялся рядом, нервно поглаживая штуцер – видимо, реакция организма на потенциальную опасность. Тут у каждого по-своему, вне зависимости от степени безбашенности. Знавал я одного Егеря, которого перед заданием начинала бить крупная дрожь – секунд пять, не более. После этого он становился совершенно спокойным и бестрепетно мог встретить любого самого страшного хищника. У меня ярко выраженная реакция на стресс отсутствовала, лишь волна холода пробегала от макушки до пяток, но этого никто, кроме Петровича, не замечал. Да и тот больше на мысли мои реагировал – подобная реакция тот же «якорь», он его неосознанно воспринимал и относился с пониманием.

Избавившись от ремней, я освободил напарника и нацепил ему на морду дыхательную маску, отчего кот принял вид донельзя забавный. Петровичу эта прибрда не нравилась, однако с ее наличием приходилось мириться. Немного погодя, когда убедимся в пригодности атмосферы для дыхания, я питомца от нее избавлю, да и сам лишь фильтры оставлю. Вообще, стандарт безопасности предписывает переходить к дыханию новой для организма смесью газов в три этапа: сначала через патроны-регенераторы, то есть с атмосферой не соприкасаясь, потом через фильтры и лишь затем можно отказаться от средств защиты. Какой бы глупостью это ни казалось, при первой высадке Егеря соблюдали инструкции до буквы. Иногда это жизни спасало, были прецеденты.

– Внимание, Егеря! – ожили динамики. – Защитный контур развернут, стандартные тесты завершены. Совместимость земных организмов с

окружающей средой подтверждаю, разрешаю выход за пределы модуля.

– Погнали, парни! – скомандовал Иванов на кодированном канале и первым направился к люку десантного отсека.

Мы поспешили следом. Скрывавшийся за люком лифт перенес нас на уровень ниже, и по короткому коридорчику мы благополучно добрались до шлюза. Шлюзование заняло около минуты, наконец бронестворка утонула в стене, и дверной проем озарился несколько искаженным светом местной звезды. Я глянул вопросительно на Иванова. Понятное дело, снаружи сквозь матово-черное забрало загерметизированного шлема ничего не было видно, но капитан меня прекрасно понял и кивнул. Я активировал сканер, убедился, что в пределах периметра ничего живого крупнее муравья не обнаружено, и отчетливо произнес:

– Петрович, разведка.

Кот встрепнулся, наострил уши, прислушиваясь к чему-то снаружи, и осторожно направился к дверному проему, буквально стелясь по полу. Напарник уже настроился на серьезную работу и сейчас практически слился с металлическими поверхностями внутренностей шлюза, придав шерсти серый оттенок. Одновременно с его первым шагом автоматически развернулось на ползабрала окно, демонстрировавшее картинку с камеры кошачьего ППМ. Сознание привычно раздвоилось, включившись в наработанный месяцами тяжелых тренировок «стереорежим»: я одновременно контролировал обстановку вокруг себя и анализировал сведения, полученные от партнера. Сейчас я сосредоточился на изображении, а звук приглушил до едва заметного фона. Все равно в мельчайших нюансах шорохов не разбираюсь, поэтому и оставляю на совести напарника.

Петрович между тем осторожно скользнул на пожухлую траву – «микроволновки» ее задела самым краем, но и этого хватило, чтобы она из сочно-зеленой и хрусткой превратилась в невзрачную и хорошенько проваренную. По телу его прошла волна изменений – теперь из серо-стального его окрас превратился в пеструю мешанину зеленых, коричневых и черных оттенков. Петрович не торопился, а потому наблюдать за этой метаморфозой было весьма забавно: сначала переокрасилась вытянутая правая передняя лапа, потом не закрытая ППМ и дыхательной маской часть морды, уши, шея, а там и весь он затерялся на фоне растительности. Глаз у меня был наметанный,

поэтому напарника из вида я не упустил, чему также способствовало запоздавшее с активацией покрытие-хамелеон на кошачьих приבלудах, а вот Леха Петров слегка растерялся и принялся вертеть головой в поисках. Правда, быстро сориентировался – врубил тепловизор и повесил на кота маркер, так что теперь его отслеживал вычислитель костюма, куда более зоркий, чем несовершенный человеческий глаз.

Вообще, под термином «разведка» в нашем с Петровичем «словаре» числился комплексный «якорь»-шаблон: по этой команде мой напарник перемещался в нужный район, останавливался или при необходимости укрывался, а затем не спеша осматривался, выдавая мне на дисплей панораму окрестностей. Вычислитель в зависимости от обстановки вычленял интересующие нас детали, будь то какие-то особенности рельефа, живые организмы или цели – без разницы. Сейчас кот как раз залег на полпути между шлюзом и мерцающей стеной «Забора», вжался в землю и принялся вертеть головой. Учитывая его положение, половину обзора перекрывала трава – в этом месте уже самая обычная на вид, зеленая и густая, похожая на газонную. Что странно, обычно в диких местах разнотравье. Хотя, скорее всего, я просто нюансов не улавливаю, а для любого рядового ботаника – в прямом смысле слова, а не то, что вы подумали, – различия между соседними травинками прямо-таки колоссальные. Не обнаружив ничего подозрительного, я выдал следующую команду:

– Разведка вдаль.

Петрович отлип от земли, вытянулся столбиком, как это коты умеют. Поле зрения моментально увеличилось в разы. Я рассмотрел штыри накопителей в защитном контуре, слегка оплавившуюся обшивку модуля, еле заметно мерцающие ячейки сетчатого купола, а затем взгляд мой зацепился за какую-то лишнюю деталь. Нет, ничего отсюда не разобрать, нужно из шлюза выбираться.

– Петрович, патруль!

Кот сорвался с места, метнулся куда-то вправо, а я свернул окошко до минимального размера и повернулся к Иванову:

– Все тихо, товарищ капитан! Можно выходить.

– Куда вы, блин, все торопитесь! – буркнул Коля, скидывая с плеча штуцер. – Успеете еще. Пусть Петрович вернется, тогда и мы пойдем.

– Так уже! – хмыкнул я.

Напарник с чувством выполненного долга скакнул в шлюз и принялся с довольным видом тереться о мой сапог.

– Молодец, Петрович, справился, – похвалил я напарника, почесав по заведенной традиции его бок. Обычно за ухом чешу, но сейчас ППМ мешает. Впрочем, кот не обиделся. – Периметр безопасен.

– Ладно, идемте, – сдался Николай. – Я налево, Леха направо. Олег, вы с Петровичем остаетесь у шлюза. Погнались.

Следуя букве инструкции, ошетинились штуцерами и дружно выпрыгнули из шлюза. Занося ногу для первого шага по планете, я мельком подумал: типа вот он, великий миг! Однако мысль тут же улетучилась, не оставив и следа: не до смакования было, работаем. Собственно, меня всегда забавляла высокопарность журналюг, с какой они вещали про «поворотный момент в истории человечества», про тех, кто «золотыми буквами вписал себя в летопись», про «огромный рывок для всех нас» и прочую лабуду. Ведь с точки зрения всех первооткрывателей и новаторов, они не совершали ничего особенного – просто делали свою работу, как и годы до этого. И искренне недоумевали при вопросах типа «как вы себя ощущаете в этот памятный миг?» или «чувствуете ли вы себя великим?». Вот ни фиги не чувствую, кроме ответственности – первый выход на неисследованную планету не шутка, ответственность, и ничего, кроме ответственности, глыбой повисшей на плечах. За себя, за Петровича, за коллег-Егерей, за Охотников, даже за пилотов, в конце концов. Пройдет совсем немного времени, и мы расслабимся, свыкшись с окружающей действительностью, а пока каждый шаг как по минному полю.

Однако ничего непредвиденного не произошло. Коллеги, теперь более похожие на леших («хамелеоны» послушно подстроились под окружающую среду), разошлись по сторонам, обходя диск спускаемого модуля, а мы с Петровичем вышли на середину прогала между обшивкой корабля и «Забором». Капитан Иванов сказал оставаться у шлюза, вот мы и остались. Равнодушно пробежавшись взглядом по пожухлой траве под ногами и мерцающей стене

силового поля, я задрал голову и сразу же понял, что меня так беспокоило. На востоке над лесом на фоне безоблачного голубого неба отчетливо выделялась своеобразная радуга – широкая, почти на четверть небосвода, прерывистая полоса с градацией цвета от бледно-серого до почти фиолетового. Зрелище ошеломляло своей необычностью, и лишь через несколько мгновений я осознал, что именно вижу. Пылевые кольца, опоясывавшие планету по экватору. Вяземский же говорил про них на брифинге. Просто я по запарке запомнил, да и не интересовался особо – нам важнее были фотографии поверхности планеты, чем ее космогонические параметры. Жалко. Если бы раньше вспомнил, из космоса бы на них полюбовался. Ну да ладно, успею еще.

Система HD 44594, планета Находка,

17 августа 2537 года

Остаток дня в послепосадочной суеде пролетел незаметно. В первый выход мы ограничились получасовым пребыванием внутри периметра, затем вернулись в модуль. На этот раз шлюзование заняло гораздо больше времени: автоматический сканер ощупал нас буквально по миллиметру, но ничего сверхординарного не обнаружил – типичнейшая микрофауна, да и флора тоже. Ничего такого, с чем бы не справился универсальный антидот. Я даже машинально дотронулся до еще чесавшегося после укола левого плеча. Кстати, Петровичу тоже вкатили лошадиную дозу антидота, в дополнение к подстегнутому мутацией иммунитету. После длительной дезинфекции мы все же попали на первый уровень: мичман Мохов времени не терял, запустил расконсервацию, как только мы наружу выбрались. К нашему возвращению практически все помещения были готовы к приему жильцов, которым предстояло разместиться в боксах на кольцевой палубе – каюты хоть и крошечные, зато индивидуальные, на всех хватило, включая экипаж. Мы с коллегами после подсказки Мохова направились в четвертый сектор и заняли три каюты из пяти доступных. Первый и второй сектора достались отделению Охотников, их как раз десять человек, а третий заселили пятеро летунов, после приземления превратившиеся в операторов исследовательского комплекса. В данный момент они торчали в технических помещениях второго уровня, завершая развертывание базы, и Иванов ушел к ним – проследить как старший по званию. Нам же с Лехой заняться в ближайшие час-полтора было решительно нечем, а потому мы принялись обживать боксы.

Первым делом я сорвал с головы шлем, скинул дейпак и аккуратно пристроил шуцер в специально для него предназначенное отделение встроенного шкафа. Кобуру с пистолетом и ножны с мачете бросил на стол, сюда же швырнул куртку с ножом и боекомплект. Окинул взглядом по спартански суровую обстановку временного жилища и завалился на кровать с матрасом на магнитных подвесках. Эх, хорошо! Петрович тут же запрыгнул ко мне на грудь и принялся ластиться. Я намек понял и избавил напарника от ППМ с дыхательной маской. Кот незамедлительно вернул естественный цвет шерсти, свернулся калачиком и включил на полную громкость урчальник.

– Как первые впечатления? – поинтересовался я, послав напарнику образ озадаченного котенка.

Петрович ответил искаженным видом неба Находки, в котором странной загогулиной громоздилась непонятная хрень – то ли радуга, то ли широченный инверсионный след атмосферного бота. Все понятно, питомец тоже кольца заметил, только не понял, что это такое. Что ж, придется ему смириться с непонятным, поскольку объяснить все равно не получится. Соответственно я ограничился мыслеобразом, который можно было трактовать как «забей и забудь». Петрович муркнул согласно и прикрыл глаза.

Я же от нечего делать принялся вспоминать порядок разворачивания малого исследовательского комплекса. Шаг первый – приземление, развертывание защитного периметра и расконсервация жилых помещений. Это уже пройденный этап. Сейчас ребята из экипажа как раз активируют софт модуля, прогоняют тесты и готовят к запуску «шмелей» – рой миниатюрных летающих ботов, оснащенных камерами и маломощными сканерами. Биомеханические «насекомые» разлетятся во все стороны от базы, так что примерно через час мы сможем контролировать весьма обширную территорию – километров по пять во всех направлениях. Плюс заработает мощный стационарный сканер. Кто-то из операторов уже должен разбудить «панцирей» – тихоходных гусеничных роботов-планетоходов. Их задача – сбор образцов почвы, растений, воды и тому подобного. Этих, скорее всего, запустят три штуки – одного к озеру, еще одного к скальной гряде, а последний поползет к роще. Есть еще «скауты» – довольно крупные беспилотники с большим радиусом действия, но их время придет немного позже. Сначала нам предстоит разобраться с информацией, добытой мелочью. Так что скоро отдыху конец.

Желудок напомнил о себе громким урчанием, и Петрович наострил уши – уж если я проголодался, то что говорить о питомце с его разогнанным метаболизмом! Ему нужно минимум шесть раз в сутки лопать или хотя бы специальный кошачий тоник пить. Что ж, придется на камбуз за сухим пайком наведаться – ближайшие сутки нормальной горячей еды не ожидается. Однако сразу добраться до харчей не получилось, сначала зарулили в общий санузел, который уже работал, потому как предмет первой необходимости. Скафандр, конечно, приспособлен для утилизации отходов организма, но зачем лишнюю энергию тратить, если можно без этого обойтись? Кстати, Петрович у меня сизмальства приучен пользоваться человеческими удобствами, так что проблема лотка не стояла. Про душ тоже пока можно не мечтать, в лучшем случае часов через десять дойдут руки у операторов до системы водоснабжения. Затем еще сколько-то времени уйдет на то, чтобы добуриться до водоносных слоев и настроить фильтр. И только потом начнет функционировать общая душевая – оно и понятно, модуль не настолько большой, чтобы еще и запас воды таскать.

На камбузе я завладел стандартным пайком и вернулся в каюту – тут все же спокойней, никому не мешаю, да и сам на глазах не маячу. К этому моменту мы настолько проголодались, что на несколько пресный вкус разогретого обеда внимания не обратили: все три блюда ушли за милую душу, а Петрович еще и добавки попросил. Получил оную в виде порции тоника в одноразовом стакане и угомонился.

Спокойно полежать после приема пищи нам не дали – завалился Леха Петров и с порога возвестил:

– Подъем, бездельники! Операторы «ходунов» расконсервировали, надо идти техников прикрывать.

– А сами никак? – буркнул я, сгоняя Петровича с кровати. – И вообще, это Охотников работа, чего они до сих пор без дела по каютам торчат?

– Разговорчики в строю! – Леха поморщился, уловив многообещающий кошачий взгляд. – Олег, ты напарнику скажи, что я не со зла, самого начальство заставляет.

– Ладно, расслабься! – Я соскочил с кровати, в темпе оделся, нахлобучил шлем и вооружился. – Петрович только на вид грозный, а на самом деле он рыжий и пушистый. Петрович, за мной!

Леха вывел нас с напарником к малому проходу в «Заборе», где обнаружился затянутый в легкий скафандр техник в компании четверки паукообразных роботов-охранников. Здесь же ошивались двое Охотников при полном параде – бронированные с ног до головы, с мощными «вихрями» в руках. Пока еще не стемнело, но дело к тому шло – незаметно подступили сумерки, окрасившие все вокруг в серые тона. Полоса, пересекавшая небо на востоке, напротив, начала испускать свечение, медленно перетекая из градаций серо-фиолетового в ярко-желтую, прямо как луна в безоблачную ночь. Когда стемнеет, фееричное будет зрелище. Впрочем, глазеть на местные красоты некогда – техник уже закончил возиться с «ходунами» и с помощью голографического пульта вывел их к проходу в периметре. Пробежался по пульта пальцами, заставил «ходунов» помотать хоботами трехствольных «гатлингов», которыми те были вооружены, и доложил на общем канале:

– Тестирование успешно завершено. Прошу разрешения начать патрулирование.

– Пускай «паучков», – раздался в динамиках голос Мохова. – Сам осторожнее, что-то подозрительно активизировалась живность снаружи.

– Что-то крупное? – оживился Леха, перехватывая поудобнее штуцер.

– Нет, просто за последние полчаса активность организмов возросла почти вдвое. Всякая мелочь ползает, мелкие насекомые типа гнуса... Короче, пока ничего серьезного.

Техник воззрился вопросительно на Петрова, чему прозрачное в данный момент забрало совершенно не помешало, и Леха осведомился:

– Готов? – Дождавшись кивка, буркнул в передатчик: – Центральный пост, открывайте.

Секция периметра прямо перед нами мигнула и растаяла, открыв путь за пределы охраняемой территории. Охотники шустро устроились у штырей, привстав на одно колено, стволы мощных армейских автоматов уставились в

надвигавшуюся темень. Ошивавшийся неподалеку Петрович глухо мяукнул – проявить всю мощь легких помешала дыхательная маска – и рванул в прогал. Я не успел среагировать и тупо смотрел, как ставший угольно-черным питомец огромными скачками пересек те несколько метров, что отделяли поле «Забора» от растянутой на манер шатра сетки второго защитного контура. Кот пробил телом силовую завесу в ячейке энерговодов и оказался на неисследованной территории.

– Петрович, назад! – рявкнул я, сопроводив приказ образом кота в дезинфекционной камере. Знает же прекрасно, что нечего проявлять инициативу. – Назад, я сказал!

– Стррррранное, – муркнул динамик синтезированным тенором. – Стррррранное... таумммм...

– Забей, – махнул я рукой. – Назад, потом со странным разберемся.

– Олег, что у вас? – вклинился Иванов. – Помощь нужна?

– Никак нет. – Я нагнулся к взъерошенному питомцу, заглянул в расширенные зрачки. – Петрович самовольничает. Сейчас все под контролем.

– Работайте по плану, – буркнул капитан и отключился.

Обычно при таком контакте – глаза в глаза – образы получались максимально яркие и детальные. Однако, несмотря на то что я сделал забрало прозрачным и кот пристально ел меня взглядом, понять, что он имеет в виду, я так и не смог. Ясно одно – Петрович что-то почувствовал, причем весьма неординарное и одновременно не очень опасное, раз любопытство пересилило осторожность.

– Стой рядом! – четко произнес я, не прерывая игры в гляделки. – Опасность!

Поднялся, скользнул взглядом по окрестностям, но беглый осмотр ничего подозрительного не выявил. Оно и неудивительно, уж если мощный корабельный сканер ничего необычного засечь не сумел, то где уж моему маломощному вычислителю с этой задачей справиться. Помотал головой на вопросительный взгляд Лехи Петрова, и тот озабоченно буркнул:

– Работаем! Прохлаждаться потом будем, в баре с блэкджеком и шлюхами.

Техник ухмыльнулся, однако комментировать тираду не стал, занялся делом. «Ходуны» тесной кучкой пересекли прореху в периметре и повторили недавний подвиг Петровича, то бишь дружно продавили слабенькое силовое поле внешнего контура. Оказавшись вне защищенной территории, роботы несколько секунд топтались на месте, сканируя окружающее пространство, а потом посеменили в разные стороны, занимая места согласно заложенной программе. Трое довольно быстро скрылись из вида, а четвертый обосновался в непосредственной близости от «ворот». Не лишняя мера предосторожности, особенно на совершенно неисследованной, но при этом чрезвычайно биологически активной планете. Четыре единицы охранной техники контролировали сектора по девяносто градусов, обеспечивая зону безопасности на дальности два километра: «гатлинги» калибра 11,5 мм позволяли в считанные мгновения разнести в клочья легкобронированный катер. Можно представить, что они сделают с каким-нибудь местным летающим чудищем, буде таковое обнаружится.

– Протокол безопасности активирован, закрывайте «ворота»! – Техник посчитал свою миссию выполненной и с чистой совестью связался с рубкой.

Что ему ответили, я не слышал, однако прогал в периметре сразу же зарос мерцающей пеленой силового поля, исказив картинку за ним. Охотники неторопливо разошлись в разные стороны – ага, сержант уже патрулирование наладил. Этот факт весьма радовал – не придется самим ноги сбивать всю ночь. От дежурства, скорее всего, не отвертимся, но это уже будет обычная рутина – сидеть в рубке в компании техника, контролирующего систему безопасности, да раз в час проверять территорию, дублируя Охотников. А завтрашней ночью, больше чем уверен, и этим заниматься не придется. У нас и днем работы завались будет. Петрович муркнул вопросительно и принялся тереться башкой о сапог. Я было наклонился, чтобы почесать питомца, однако меня отвлекло движение с той стороны силовой завесы. Медленно повернувшись, я увидел, как «гатлинг» застывшего на боевом посту робота поелозил из стороны в сторону, фиксируя цель, и выплюнул короткую очередь. Сканер успел засечь камнем рухнувшее вниз довольно крупное тело какого-то крылатого существа и даже локализовал место падения, однако разглядеть что-либо в подробностях не удалось – ночь окончательно окутала окрестности тьмой, чуть разбавленной золотистой полосой на востоке.

– Рубка, что это было? – поинтересовался я, настроившись на канал Мохова.

– А хрен знает, – совершенно серьезно отозвался мичман. – Что-то большое, размах крыльев почти три метра, масса около сорока килограмм. Агрессии вроде не проявляла, скорее всего, просто далеко еще была тварюга.

– Пойду посмотрю? – вслух подумал я, заранее зная реакцию Коли Иванова.

Тот ждать себя не заставил:

– Стой на месте! Я тебе посмотрю, мать твою! В бойскаутов не наигрался? Днем посмотришь, координаты засекли. И вообще, за косяки первым дежуришь. Не слышу радости в голосе.

– Есть дежурить первому! – по-уставному рыкнул я, сдержав раздражение.

В конце концов, он командир, а командир всегда прав. Зато «собачья вахта» нам с Петровичем не достанется, и то хлеб. Леха укоризненно помотал головой и молча скрылся в шлюзе. Техник последовал за ним, и мы с напарником оказались предоставлены самим себе. Я поправил ремень штуцера на плече, вздохнул горестно и уставился на расцвеченное россыпью звезд небо. Все-таки красиво! Одни кольца чего стоят. Погода хорошая, облаков нет, звезды тихо мерцают, как где-нибудь в Поволжье июльской ночью... Только цикад не хватает. Кстати, да, тихо совсем. Крупных животных мы при посадке распугали, хорошо, если завтра очухаются, а вот мелочь всякая должна уже была оживиться. Скорее всего, двойная силовая завеса звуки глушит. Надо будет к внешним микрофонам подключиться, когда в рубке буду. Но это терпит, для начала пройдемся по периметру, порядок необходимо блюсти.

Я неторопливо пошел вдоль «Забора», практически держась мерцающей завесы и силясь разглядеть хоть что-то за пределами периметра. Ничего не добившись, плюнул на это дело и принялся поглядывать на небо, останавливаясь через каждые десять шагов. Если идти без пауз, весь обход займет в лучшем случае минуты три-четыре, а потом скучай в рубке. Посему я не отказал себе в удовольствии поглазеть на небосвод. Петрович стелился рядом, вновь сменив окрас на черный. Таким макаром мы преодолели почти половину дистанции и оказались с противоположной стороны модуля, у больших грузовых «ворот», сейчас, понятное дело, заблокированных. Я уже привычно глянул вверх и

наткнулся взглядом на крупную мигающую звезду. Она довольно быстро передвигалась по темному куполу неба, потом вдруг окуталась красноватым свечением и ускорила, оставив за собой длинный багровый след. Погасла, не добравшись немного до горизонта. И тут же засияла еще одна искорка, как бы не крупнее первой. Я лишь помотал головой в недоумении и спокойно наслаждался зрелищем еще почти десять минут. Петрович вертелся рядом, нервно мяукая. Впрочем, как дисциплинированный охотничий кот недоумение он выражал в пределах разумного, приглушенным голосом, а потому я возмущаться не стал. Лишь произнес тихонько, когда последняя падучая звезда растаяла на пределе видимости:

– Это, Петрович, был метеорный дождь. Привыкай.

Напарник привычно заурчал, как всегда делал, когда сталкивался с новым понятием. Процесс обучения на практике: картина темного неба с огоньками метеоров, кот на земле плюс мыслеобраз, обозначающий отсутствие непосредственной опасности, – вот и готов новый «якорь».

– Метеорный дождь, – еще раз четко повторил я, закрепляя новое понятие в памяти коннектора. Присел рядом с напарником, погладил его по спине: – Пошли, что ли... Надо обход завершить да бездельников в рубке навестить.

Петрович согласно мяукнул и припустил вдоль корпуса модуля – угольно-черное пятно на фоне матово-черной обшивки.

Система HD 44594, планета Находка,

18 августа 2537 года

Проснувшись рано утром в собственной тесной каюте, я первым делом обнаружил, что Мохов перевел корабельные часы на местное время. Видимо, главный вычислитель «Да Винчи» завершил обработку телеметрии с зондов и разобрался с часовыми поясами и прочими премудростями. Так что сейчас число хоть и восемнадцатое, но разница с базой примерно шесть часов. У них там ночь в разгаре, а у нас уже утро – пора озаботиться водными процедурами и завтраком. Ночь прошла спокойно, по крайней мере, никто меня не будил после того, как я ушел спать, сдав дежурство Лехе Петрову: капитан Иванов, как

истинный командир, на первый раз оставил самую трудную вахту себе. Оно и к лучшему – хоть выспался перед трудовым днем. Чувствую, придется как следует потрудиться: по плану сегодня первый большой разведывательный выход. Мы с Петровичем на квадроцикле отъедем от модуля километров на пять-шесть и обогнем его по широкой дуге. Параллельно Иванов с Петровым прогуляются пешочком поближе к периметру, не удаляясь от него более чем на километр. С каждым днем дальность прогулок будет возрастать, а к концу недели мы дадим заключение и рекомендации по технике безопасности. Но уже сейчас могу предположить, что Находка, в частности умеренные ее широты, получит минимально возможный индекс опасности – уж очень она на Землю похожа. Однако не будем забегать вперед: рассказ древнего фантаста Филипа Дика про колонию я читал, да и в новейшей истории были неприятные инциденты.

Окончательно проснувшись, я спрыгнул с кровати и в темпе проделал малый разминочный комплекс, подготавливая тело к интенсивным нагрузкам. Душ еще не работал, поэтому из термобелья я перед сном вылезать не стал. Водные процедуры на текущий момент ограничились полосканием рта специальным дезинфицирующим раствором – очень удобно, ни тебе пасты, ни щетки. Обтерся влажными салфетками, взъерошил короткий ежик на голове и отправился одеваться, по пути захватив на камбузе сухой паек. Чуявший хавчик за километр Петрович тут же нарисовался в дверях и требовательно замурчал.

– Иди сюда, проглот! – позвал я питомца, вскрывая предназначенные ему упаковки с едой. – Пить будешь?

Еще бы он отказался! Тем более потчевал я его не водой, а витаминизированным тоником, весьма для его организма полезным. И на вкус не отвратным, что характерно.

Засиживаться не стали – быстро набили брюхо, чем бог в виде военных интендантов послал. Я привычно влез в скафандр, прихватил оружие и снаряжение напарника и отправился искать отца-командира. Петрович дисциплинированно трусил следом, выделяясь ярким рыжим пятном на фоне унылых серо-стальных переборок. Капитан Иванов обнаружился именно там, где ему и полагалось быть, – в рубке. Сейчас как раз заканчивалась его вахта, и он что-то втолковывал сержанту-Охотнику, имя которого я до сих пор не удосужился узнать. Завидев меня, Николай перестал пудрить мозги сменщику и переключил внимание на нас с напарником:

– Денисов, ты, как всегда, вовремя! И тебе привет, мой рыжий друг! – Капитан не поленился склониться над котом и запустить пятерню в густую шерсть, а тот ответил вполне дружелюбным урчанием. – Техники квад расконсервировали, можете выдвигаться.

– Это официальная санкция? – уточнил я на всякий случай.

Коля Иванов до таких шуточек не опускался, но для протокола порядок надо соблюсти: все переговоры на борту пишутся в реальном времени, для потомков и на случай локального песца, тьфу, чтоб не сглазить.

– Официальная, – кивнул командир. – Мохов сказал, его ребята уже наметили примерный маршрут и закачали его в навигатор. Придется синхронизироваться. Впрочем, не маленький, сам разберешься. Кстати, час назад перешли на протокол три-а, так что можешь не заморачиваться с фильтрами и герметизацией. И еще – маршрут не догма, можешь менять по своему усмотрению, но контрольные точки пройти ты обязан. Вопросы?

– Никак нет! – включил я солдафона. – Разрешите приступить?

– Разрешаю! – в тон отозвался Иванов. – И еще, Олег, я тебя умоляю, не лезь в неприятности. Задача предельно простая – прокатиться по окрестностям, осмотреться, прицениться. Погоня за монстрами в нее не входит. Все, пошел.

Обещанный капитаном квадроцикл отыскался напротив малых «ворот». Рядом с ним суетился техник в расхристанном скафандре и без шлема, подтверждая Колины слова насчет минимальной степени враждебности среды, что и отражал протокол ЗА. У «ворот» лениво прогуливался похожий на медведя Охотник – чисто на всякий случай, как я понимаю. Если и дальше пойдет такими темпами, не придется неделю торчать в автономке, основная база раньше приземлится. Кстати, местный воздух оказался довольно вкусным и пах почти как в санатории на Волге – аромат разнотравья в самом соку смешивался с едва заметной сыростью от недалекого озера. Погода с утра радовала – на небе ни облачка, местная звезда жарила от души, и лишь непривычная полоса, перечеркнувшая небосвод на востоке, не позволяла забыть, что мы не на Земле.

– Товарищ лейтенант, вы на кваде поедете? – окликнул меня техник.

– Ага, – кивнул я и принялся придирчиво осматривать транспортное средство. – Сюрпризов не будет?

– Работает как часы! – слегка оскорбился собеседник. – Сами синхронизируетесь или помочь?

– Сами-сами, – хмыкнул я и оседлал машину.

Петрович без напоминания уверенно занял предназначенное специально для него гнездо на левом переднем крыле, и его зафиксировали выросшие прямо из стенок ремни. Мой напарник не замедлил подогнать окрас под цвет мощной пластиковой загогулины, которая, в свою очередь, уже копировала травостой вокруг – вся наша техника могла похвастаться дорожным покрытием типа «хамелеон». Я между тем захлопнул забрало и активировал рабочее пространство традиционным кукишем. Техник оторопел, но я махнул рукой – типа не обращай внимания – и несколькими кликами запустил процедуру синхронизации вычислителя скафандра с навигатором. Процесс занял доли секунды, после его завершения на забрале высветилась схема квада с табличкой технического состояния. Вроде все в порядке, можно ехать. Четырехколесный «скакун» был неплохо оборудован: встроенный сканер как минимум втрое превосходил мой персональный по чувствительности и дальности действия, в дополнение к нему имелся автопилот – но это стандарт для подобной техники. Не дай бог, с водителем что случится, а аппарат его домой привезет. Я поерзал на сиденье, устраиваясь поудобнее. Понял, что мешает штуцер, и пристроил его в зажимы на правом крыле. Ага, продуманные ребята квад конструировали – штуцер как будто тут и был, легко дотянуться, не менее легко выхватить и изготовить к стрельбе. Почти распластавшись на «торпеде», скрывавшей емкий аккумулятор, я подергал руль, крутанул ручку «газа» – со времен мотоциклов ничего лучше не придумали – и решительно утопил кнопку «пуск». Квад едва слышно загудел электродвигателями – всеми четырьмя, тут, как в древних трамваях, прямой независимый привод. Никаких передач, зато две педали «сцепления» – можно колесами управлять попарно и поворачивать за счет разницы в частоте вращения. С другой стороны, приноравливаться надо – очень весело наблюдать со стороны, как неопытный человек с места трогается, траектория движения в результате напоминает этакий крендель вместо прямой линии. Мы с Петровичем от этой болезни избавились еще в бытность нашу в егерской учебке.

– Рубка, Денисов на связи! – вызвал я дежурного оператора. – К выезду готов, открывай «ворота».

Силовое поле между ближайшими штырями «Забора» мигнуло и исчезло. Впрочем, при свете дня зрелище вышло так себе, не чета вчерашнему представлению в сумерках. Я помахал на прощанье технику и скучающему Охотнику, послал Петровичу образ прижавшегося к крылу кота с растрепанной от встречного ветра шерстью и плавно отпустил оба «сцепления», одновременно крутанув ручку «газа». Электродвигатели взвыли чуть громче, и квад рванул с места как хороший гоночный болид, выстрелив из-под колес комьями земли и вырванной с корнем травой. Охотник ругнулся, но я на это внимания обращать не стал – отдался скорости. Люблю я это дело, чего уж греха таить! Однако лихачить тоже не след, не на гоночном треке, знакомом вдоль и поперек. Целина впереди хоть и выглядит достаточно ровной, но может таить множество неприятных сюрпризов. Поэтому я с горестным вздохом сбросил скорость до вполне приемлемых шестидесяти километров и повел аппарат по широкой дуге, удаляясь от модуля. Путь мой пролегал сначала к озеру, потом вдоль его берега к скальной гряде. На их стыке располагался первый чек-пойнт, которого мы достигли минут через пять неспешной езды.

Остановив квад в десятке метров от воды, я подхватил штуцер, активировал сканер и направился к берегу. Петрович пристроился рядом. В этот раз от дыхательной маски я его избавил, а ППМ стал уже чуть ли не частью тела, так что напарник наслаждался свободой. В данный момент он щеголял песочным окрасом, подстроившись под окружающий пейзаж: берег оказался не топким, широкая песчаная полоса полого спускалась к срезу воды. Вплотную к ней я подходить не стал, присел на корточки в паре метров. Подключил сканер, внимательно осмотрел пляж. Большая его часть была хорошенько прожарена местным светилом, а вот у самой воды обнаружилась полоса сырого песка, на которой отчетливо отпечатались похожие на птичьи следы. Мелкие и частые, значит, не крокодил. Шучу, конечно, да и сканер такую тушу обязательно бы засек. Место для высадки мы с Петровичем выбрали удачное – в другое время я бы не удержался и искупался, очень уж пляж хорош. Но пока рано, кто знает, каких монстров могут скрывать глубины... Вряд ли, но инструкция на данном этапе расслабляться не велит.

Поднявшись на ноги, окинул взором окрестности. Тоже ничего необычного: слева пляжик упирался в скалы, справа, метрах в ста, начинались весьма смахивавшие на камышовые заросли. Там и берег был вязкий, и кусты вдоль

берега росли. Ничуть не удивлюсь, если и лягушки отыщутся. Кликнув напарника, я направился к зарослям. Штуцер, понятное дело, держал наготове, но оружие не понадобилось: никто не выскочил из озера с явным намерением нами пообедать, равно как никто не попытался от нас удрать. Сканер молчал: объектов, достаточно крупных, чтобы причинить нам вред, в пределах видимости не имелось. Зато мелкой живности оказалось в избытке – и местные аналоги лягушек в тине у камышей, и стайки юрких рыбешек в десятке метров от берега, и разнообразные насекомые, летающие и ползающие. При моем приближении псевдолягушки синхронно сиганули с коряг и широких листьев какого-то растения типа наших кувшинок, но сканер успел зафиксировать одну из них в полете и выдал немного мутное изображение, обведенное по контуру тонкой линией и стрелками-выносками, как на технических схемах. На изучение строения «лягушки» потратил несколько секунд – настолько типичным земноводным она оказалась. Обнаружив я ее на Земле, ни за что бы не отличил от местных видов – бурый окрас, бородавки по всему телу, выпученные глаза и мощные задние лапы с перепонками между пальцами. Ага, пальцев вроде бы меньше, и длиннее они, чем у земных родственниц. А язык такой же длинный и липкий. Впрочем, оставим эти малозначительные нюансы зоологам.

Потеряв интерес к зарослям, мы с напарником вернулись к сиротливо возвышавшемуся на пригорке кваду и отправились к следующей контрольной точке – рощице километрах в трех к северу. Выглядела она многообещающе, возможно, получится там местных млекопитающих встретить. Так и вышло: мы не преодолели еще и половины пути, как запищал сканер. Судя по показаниям, в массивчике скрывалась целая стая довольно крупных организмов. Правда, вели они себя странно – застыли почти на самой опушке широким фронтом. Как раз в этом районе ошивалось несколько «шмелей», поэтому я притормозил и отправил запрос оператору. Тот с задачей справился блестяще – буквально через несколько секунд я получил довольно размытое изображение с выделенной пунктиром фигурой таинственного организма. Судя по очертаниям, это был местный аналог волка. А вот это уже не есть хорошо. Стая большая, голов двадцать, если навалятся скопом, костей не соберем. С другой стороны, познакомиться поближе не помешает. Приняв решение, я сорвал квад с места, по широкой дуге удаляясь от лесного языка в сторону прогала между скалами и рощей. Пусть думают, что враг испугался. Теперь никуда не денутся – операторы навелись на цель и так просто ее не отпустят. А мы сделаем ход конем почти в буквальном смысле – приблизимся к массивчику с другой стороны и выйдем стае во фланг.

Торопиться нам было некуда, так что к нужному месту добрались минут через десять. Судя по картинке со сканера, стоя все еще таилась на опушке и активных действий не предпринимала. Заглушив квад в тени раскидистого дерева вроде дуба, я выпрыгнул из седла и вооружился штуцером. Подождал с минуту, пока «хамелеон» скафандра достаточно адаптируется к пейзажу, освободил напарника и принялся объяснять задачу:

– Беги вперед, слушай меня. Осторожность. Как понял?

Петрович утвердительно муркнул и припал к земле, практически слившись с палой прошлогодней листвой – как в любом нормальном лесу, травы под деревьями было очень мало. Я пристроился у мощного ствола в полтора обхвата, развернул картинку с кошачьего ППМ и скомандовал:

– Пошел!

Напарник совершенно бесшумно и при этом грациозно, как умеют только кошки, заскользил меж деревьями и вскоре скрылся из вида. Я привычно погрузился в «стерео» – ощущение весьма любопытное, как будто в игру от первого лица играешь. Тут главное не увлечься и не потерять контроль, ибо своя рубашка ближе к телу, а за меня ее никто беречь не будет. Проще говоря, за обстановкой следить тоже нужно, и это основная сложность работы в таком режиме. Вообще странно ощущать себя одновременно человеком, прижавшимся к древесному стволу, и стремительным хищником, что стелется по прошлогодним листьям, умудряясь не взрыть их и не издать ни одного лишнего шороха. Петрович в таких делах спец, и мне лишь оставалось изредка корректировать направление, чтобы он с пути не сбился. До стаи напарник добрался минут за пять, для верности взлетел по стволу ближайшего дерева и удобно устроился на толстой ветке параллельно земле. С этой позиции почти все особи были как на ладони.

– Молодец, Петрович! – похвалил я напарника. – Теперь осмотрись. Осторожность.

Кот завертел головой, стараясь захватить в объектив как можно больше «волков». Связь была отличная, несмотря на деревья, так что картинка получилась четкой. Само собой, видеопоток дублировался в вычислитель модуля, а оттуда данные передавались на орбиту. Зоологи должны быть в восторге, плавно переходящем в оргазм. Еще бы, первые сведения о животном

мире планеты! Хотя вру, псевдолягушки были первыми. Скажем по-другому: первые псевдомлекопитающие и хищники в одном флаконе. Что хищники, сомнений не возникает – очень на волков похожи: и строение тела, и окрас, и размер. Морды слегка удлинённые, примерно как у афганской борзой, да и сложением похлипче земных собратьев будут, длинноногие и лядащие. Вместо хвостов блямбы типа бараньих курдюков, да на морде еле заметные пятна. В общем и целом скорее обитатели степей, чем лесов – видно, что к бегу приспособлены. Блин, а это что? Никак кисточки на ушах... Етить, да они скорее кошки, только очень уж специфических пропорций. Какой из этого может быть вывод? Пока только один: нишу санитаров леса, да и степи заодно, заняли кошачьи. Один из «кошколаков» вдруг приподнял сплюснутую длинноносую башку и глянул прямо на Петровича. Сомнений не осталось – зрачки вертикальные. Класс! Первый раз такого универсального хищника вижу: наверняка он ночью себя еще вольготней в здешних местах ощущает. Зверь озадаченно моргнул, помотал головой и лениво приподнялся с лежки. Росту в нем оказалось примерно с полметра, да и очертаниями тела он теперь куда больше походил на рысь или ягуара. Подошел неторопливо к дереву, послужившему убежищем Петровича, потерся о ствол и начал довольно неуклюже карабкаться вверх. Мой напарник испуганно вскинулся, встопорщив шерсть на загривке, однако орать, как это присуще котам в подобных ситуациях, не стал. Ограничился паническим посылом и синтезированным «мляу-у-у!» в наушниках. Ага, растерялся, сообразить не может, что лучше – дожидаться гостя и от души полоснуть когтями по морде или слинять без шума и пыли. В отличие от питомца, я сомнений не испытывал:

– Петрович, исчезни!

Тот совету незамедлительно внял и ловко запрыгнул на ветку метром выше. Добрался почти до самого ее конца и перемахнул на соседнее дерево, с него таким же макаром на третье и сбежал по стволу вниз, отчего я чуть не блеванул – очень специфическое ощущение, доложу я вам. Оказавшись на земле, Петрович наплевал на скрытность и понесся ко мне, огибая попадавшие на пути препятствия в виде древесных стволов и кустов. Скорость он набрал порядочную, но, судя по всему, вожак «кошколаков» его засек и бросился следом. Заодно и вся стая сорвалась с места – сканер выдал четкую схему стандартной загонной охоты. Знакомая тактика, немало земных хищников такой придерживаются. И это не есть гуд, Коля Иванов прямым текстом запретил в неприятности ввязываться.

– Петрович, опасность! Сзади погоня! – проорал я, отлипая от дерева.

Ну его на фиг, сваливать надо. Оседлав квад, я воткнул штуцер в зажимы и запустил движки. И вовремя, потому что буквально сразу из зарослей вымахнул Петрович и одним прыжком взлетел на крыло, пристроившись в гнезде. Я отпустил «сцепление» и от души газанул, с юзом срывая квадроцикл с места. В секунды разогнавшись километров до семидесяти в час, выровнял «скакуна» и помчался в степь – сейчас главное разорвать дистанцию.

– Петрович, наблюдать, назад! – проорал я, маневрируя между некстати возникшими на пути кочками.

Кот послушно обернулся. Камера ППМ поймала преследователей в объектив, и я облегченно рассмеялся: какие бы они бегуны ни были, квад не догонят. Впрочем, они не очень-то и старались. Примерно через минуту вожак сбавил скорость и вскоре вовсе остановился. Помотал башкой и потрусил обратно к деревьям. Стая дисциплинированно последовала за ним. Я замедлил квадроцикл до сорока в час и связался с рубкой:

– Парни, как вам концерт?

– Не расслабляйся! – моментально отозвался Иванов. – Вам еще два чек-пойнта пройти. Давай без приключений.

– Есть без приключений!

Не будем расстраивать родное начальство.

Третья по счету контрольная точка оказалась ничем не примечательным пологим холмиком, на который мы взлетели с разгона. Притормозили на вершине, повертели головами, запечатлев панораму, и помчались к последнему чек-пойнту – месту падения вчерашней непонятной тварюги. По уму, с него и надо было начинать, но начальству виднее. До точки добрались без приключений, как просил капитан. Уже привычно заглушив движки и подхватив штуцер, я отправился прочесывать пяточок три на три метра – точнее локализовать место падения не получилось. Однако нас с Петровичем ждало разочарование – никаких следов таинственного существа обнаружить не удалось. Ни пятен крови, ни перьев, ни костей – ничего! Такое ощущение, что и

не падал тут никто вчера. Но вычислитель уверенно идентифицировал существо как мертвое, так что само оно улететь не могло, а следы волочения на траве отсутствовали. Даже если она уже успела распрямиться, сорокакилограммовая туша должна была потревожить дерн, здесь довольно мягкий. Петрович недоуменно муркнул и принялся нарезать круги, уткнувшись носом в землю.

– Ну и где это твое «стррррранное»? – поинтересовался я, сопровождая питомца скептическим взглядом. – Залезай, поехали!

К модулю подъехали со стороны грузовых «ворот», практически замкнув большую петлю. Через несколько секунд ожидания въехали в проход в силовом поле, обогнули «блин» по часовой стрелке и затормозили у откинутой аппарели транспортного бокса. Здесь нас уже ждали коллеги-Егеря. Подошла их очередь поработать.

– Как впечатления? – незамедлительно поинтересовался Иванов. – Что посоветуешь?

– Сами все видели, – пожал я плечами. – Держитесь ближе к периметру, к роще не суйтесь – кошколаки наверняка еще там. Я квад загонять не буду, подстрахую.

– Пошли, Леш!

Коллеги выбрались за пределы периметра и слаженно зашагали к скалам, профессионально страхуя друг друга. Я посмотрел им вслед и грустно улыбнулся: вот и закончился самый романтический период, пошла рутинка...

### Глава 3

Так и живем...

Система HD 44594, планета Находка,

21 августа 2537 года

Вчера развернули основную базу. Предшествовала этому событию трехдневная рутина – ежедневные рейды на кваде, обработка массивов информации, совместные с коллегами пешие вылазки и прочие штатные мероприятия. Как я и предполагал, неделю ждать не пришлось, гораздо раньше стало ясно, что планету не даром называли Находкой – подобные жемчужины встречаются чрезвычайно редко. Сама Земля, Ахерон да еще, пожалуй, курортная Аркадия – вот и весь список. Остальные обитаемые планеты Федерации по тем или иным параметрам здорово отличаются, чаще всего климатом. Он либо слишком засушливый, либо, наоборот, влажный. Или суровый, как на Броде, что в системе ипсилон Эридана, – там лишь в экваториальном поясе условия жизни близки к сибирским, а в высоких широтах вовсе выжить не представляется возможным. Находка же вполне повторяла земные условия – и климат, и сила тяжести, и даже соотношение воды и суши поразительно похожи. За эти дни удалось выявить лишь одно существенное отличие, причем в фауне: планета не знала птиц. Их нишу заняли летающие млекопитающие типа летучих мышей, и было их великое множество. А разнообразию видов могли позавидовать насекомые, коих тоже обнаружилось немало. Анализ образцов живых тканей выявил практически полную идентичность их строения земным образцам, то есть люди могли спокойно питаться местными растениями и животными. Впрочем, то же относилось и к последним: человеку попадаться на зуб местным хищникам не стоило. Схмячат и не поморщатся. Хотя надо отметить, что за эти дни никого крупнее «кошколаков» мы в окрестностях не обнаружили. Со старыми знакомцами вполне освоились и поняли главное – местные универсальные хищники очень любопытны. За Петровичем вожак тогда погнался именно по этой причине, а не из желания сожрать непонятного зверя. Убедились мы в этом буквально на следующий вечер: едва стемнело, как целая стая «кошколаков» осторожно приблизилась к периметру и принялась тщательно его изучать. Я как раз дежурил и успел запретить оператору повышать мощность поля, равно как и запускать активный режим.

Наблюдать за псевдокошками было очень интересно. Вплоть до самого рассвета они нарезали круги вокруг модуля, изредка приближались вплотную к энергетической сетке, но прорваться сквозь нее не пытались. Камеры в ночном режиме выдавали довольно качественную картинку, и база данных биологов существенно обогатилась. Дошло до того, что ближе к утру мы с Петровым выбрались за «Забор», оставшись под защитой «купола», и попытались привлечь внимание гостей. Достичь цели удалось легко – «кошколаки» нас засекли мгновенно и так же мгновенно растворились в ночи. Однако далеко не ушли, и через некоторое время вожак осторожно приблизился к нам, сохраняя тем не

менее безопасную дистанцию. Уставился на нас пронзительно-желтыми глазами с вертикальными зрачками. Мы отключили поляризацию на забралах и подключились к игре в гляделки. Дальше контакт не пошел, минут через пять вожак глухо рыкнул, дернул курдюком и неторопливо порысил к роще. Стая последовала его примеру, а мы с коллегами еще несколько часов анализировали видеозаписи. Пришли к однозначному выводу: любопытство не порок, но зверь остается зверем, так что расслабляться пока рано.

По части чудищ морских информации практически не было, но мы по этому поводу не расстраивались – вот развернем основной комплекс, тогда и будем думать о подводных станциях. На практике нас больше интересовала опасность с воздуха, однако хищных «летунов», опасных для человека, в ближайших окрестностях не обнаружилось. Так что через пять суток после приземления модуля мы коллегиальным решением рекомендовали командованию сажать спускаемую часть «Да Винчи» прямо здесь, на месте первой высадки. Удобнее посадочную площадку найти вряд ли удастся, а тут и море буквально в сотне километров, и разнообразные ландшафты с соответствующими биоценозами под боком.

И вот вчера наконец свершилось. Зрелище было грандиозное, доложу я вам, особенно если наблюдать за посадкой километровой «шишки» с минимального удаления. Представляю, каково было навигаторам задать оптимальный угол входа в атмосферу – малейшая ошибка, и весь этот колосс развалится на куски от перегрузок или просто сгорит в стратосфере. Однако они справились, о чем недвусмысленно говорил ослепительно-яркий шар, с ревом пересекающий небосвод. Где-то на трех тысячах на полную мощность заработали тормозные дюзы, и уже на тысяче спускаемый комплекс замедлился до черепашьей скорости и стабилизировался в пространстве, задрав в небо острый шпиль, венчавший пузатую чешуйчатую «шишку» корпуса. Далее в дело вступили антигравы – предельно мощные, но одноразовые. Последнюю пару сотен метров комплекс сбрасывал минут десять и наконец с глухим ударом, сотрясшим саму землю, утвердился посреди обширной полянки, аккурат между рощей и скальной грядой.

Наш модуль остался чуть в стороне, буквально в паре километров. Затем «шишка» комплекса разошлась на апельсиновые дольки и раскрылась наподобие ромашки шестью лепестками-модулями, явив взору сердцевину корабля – полусферу радиусом триста метров.

«Лепестки» легли на землю и оцетинились штангами энерговодов, между которыми тут же засияло силовое поле: периметр никто не отменял, хотя модули представляли собой отлично защищенные корпуса с разнообразными помещениями, в основном техническими. Жилые отсеки располагались непосредственно в сердцевине: палубы с первой по девятую. Еще две остались на космическом модуле, который теперь превратился в орбитальную станцию, служившую грузовым терминалом и базой для внутрисистемных кораблей. Промежутки, ограниченные с двух сторон «лепестками» и с третьей силовым полем, должны были стать такими внутренними двориками, где и технику можно поставить, и заняться делами в относительной безопасности, вплоть до огородничества. Ничего смешного – целый научный отдел предполагалось задействовать в исследованиях, посвященных ассимиляции земных видов в местный биоценоз, так что деленок им понадобится много. В общем, после приземления спускаемый комплекс трансформировался в укрепленный со всех сторон футуристического вида городок с двумя тысячами обитателей на борту. Для такой громады даже мало, но, поскольку роботизировано на борту все и вся, можно было обойтись и таким экипажем.

Мы с Петровичем как раз бездельничали (дежурил капитан Иванов), поэтому нам удалось рассмотреть процесс приземления базы во всех подробностях. Надо сказать, редкое по своей величественности зрелище. К тому же первое в своем роде за последние сто с лишним лет, эксклюзив. Я стоял на откинутой аппарели транспортного отсека, дабы в случае чего нырнуть под защиту внешней обшивки модуля, питомец отирался рядом. Однако обошлось без происшествий, отделались легким испугом и моральными издержками – громада комплекса буквально давила на психику. Ближайший «лепесток» расположился как раз в километре от нас и даже с такого расстояния поражал монументальностью – как-никак полноценный корпус о пяти этажах, то есть метров двадцать в высоту и не менее пятидесяти в самой узкой части. Силовая стена тоже производила впечатление – не то что наш жалкий двухметровый «Заборчик», она достигала высоты основного корпуса. Реактор на базе хоть и устаревший, но мощный, с таким даже полноценный силовой купол можно держать в пассивном режиме не менее суток, что уж говорить об обычном периметре... А жилая сердцевина не уступала иному небоскребу, типичному для мегаполисов Внутренних систем, разве что те обычно представляли собой скучные кубы или параллелепипеды, а тут этакий креатив – полусфера. Впрочем, это нам она казалась гладкой и ровной, в действительности ее поверхность усыпана всяческими выростами и углублениями, начиная со шлюзов атмосферной техники и выдвижных орудийных башен и заканчивая балкончиками и блоками антенн и датчиков сканирующей аппаратуры. Поляризационное покрытие превращало комплекс в

угольно-черный замок какого-нибудь Властелина Тьмы из вездесущего фэнтези, но это тоже вид издали. На самом деле оно сродни «хамелеонам» наших скафандров, но попроще. Назначение покрытия сугубо утилитарное – отвод излишнего тепла на одних участках и аккумулялирование энергии на других: поляризационный слой служил еще и солнечной батареей, снимая часть нагрузки с реактора. Собственно, днем в ясную погоду его мощности хватало для поддержания периметра.

Гул после посадки миллионотонного колосса давно затих, даже мелкие насекомые активизировались, хотя более осторожные теплокровные обитатели окрестностей все еще прятались, предпочитая переждать неведомую опасность в защищенном месте. Мы с Петровичем все так же пялились на комплекс, хотя смотреть еще было особо не на что – громада пока что оставалась безжизненна. Ничего удивительного, сейчас на борту царил кавардак: носились по палубам ремонтные бригады, направляемые операторами из рубки, люди в пассажирских отсеках выбирались из противоперегрузочных коконов, оживала техника. Ближайшие два-три часа уйдут на анализ обстановки и ликвидацию мелких повреждений: как бы ни осторожничали навигаторы, при посадке такой махины аварии разной степени тяжести неизбежны, особенно с учетом размеров инфраструктуры. Потом жизнь наладится, люди разойдутся по рабочим местам, дежурные смены займутся расконсервацией транспорта, наблюдательных и защитных систем, а коллеги-Охотники приступят к непосредственным обязанностям: на них, как обычно, патрулирование окрестностей и охрана объекта от внешних посягательств. Собственно, посягать на такую громадину в ближайшей округе просто некому, но порядок есть порядок. Еще через пару суток режим установится окончательно и начнется основная работа, ради которой мы и прибыли на планету. Комплекс выпустит целый рой автоматических спускаемых модулей типа нашей «тройки», которые разлетятся практически по всей планете. Затем несколько дней уйдет на анализ обстановки, и подойдет очередь ученых и Охотников. Малые исследовательские группы в составе десятка яйцеголовых и такого же количества охраны расселятся в самых перспективных местах и будут работать полуавтономно. Телепорты установить в маленьких скорлупках проблематично с точки зрения энергообеспечения, так что связь с базой будет осуществляться авиацией. И вот на этом этапе можно ожидать любых неприятных сюрпризов. Как показывает опыт, сын ошибок трудных, именно в этот период происходит подавляющее большинство производственных несчастных случаев и девяносто процентов смертей, связанных с нападением агрессивных форм жизни. Оставшиеся десять покрывают вероятность подхватить какую-нибудь экзотическую заразу, с которой не справится универсальный антидот.

Кінець ознакомительного фрагмента.

----

Купити: [https://tellnovel.com/bychenin\\_aleksandr/eger](https://tellnovel.com/bychenin_aleksandr/eger)

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)